

ОЛЬГА НАБЕРЕЖНАЯ

НА ЯТЬ

Ольга Набережная

На ять

«Издательские решения»

Набережная О.

На ять / О. Набережная — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-500621-9

Сборник состоит из трех частей: «На ять», «Дела житейские» и «За чудесным горизонтом». «На ять» означает — очень хорошо, как полагается. Общий вывод по смысловой направленности рассказов первой части — все будет хорошо, правильно. Но не всегда получается. Вторая часть сборника «Дела житейские» рассказывает о том, как бывает на самом деле в жизни, в реальности не всегда «на ять», а чаще совсем по-другому: жестче, серьезней. Последняя часть — рассказы в жанре «фэнтези» с мифологическим подтекстом.

ISBN 978-5-00-500621-9

© Набережная О.
© Издательские решения

Содержание

НА ЯТЬ	6
Живые люди	6
Сделка	10
Муравейник	15
О. Генри по-русски	18
Сапоги	21
Те, кто рядом	25
Наша общая звезда	29
Урок милосердия	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

На ять

Ольга Набережная

© Ольга Набережная, 2019

ISBN 978-5-0050-0621-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НА ЯТЬ

Живые люди

Есть профессии такие, не просто профессии, а которые словно обладают неким психотерапевтическим эффектом. Ну, это как в поезде выговоришься незнакомому попутчику, и легче становится, и проблема кажется не такой уж нерешаемой. Таксисты, например, любят поговорить. Надоедает один на один с дорогой молчать, вот и охочие до разговоров и слушатели отменные. Но я – совсем другое дело. В такси я молчу обычно. Потому что за день так наговорюсь, что голос садится. Да и честно говоря, к вечеру так хочется тишины...

Я – врач. Обычный участковый терапевт в городской поликлинике. И, наверно, я неплохой врач, потому что у меня есть «постоянные» пациенты, которые снова приходят не потому, что я плохо их лечу, а потому, что им нравится со мной общаться. Не умею я по казенному. Пятнадцать минут, и следующий – такой расклад мне не нравится. Некоторым даже чай наливаю. Завотделением вечно меня ругает, что не укладываюсь в регламент времени, но очередь не возмущается. Привыкли уже. И я даже знаю, что некоторые мои больные лукавят, когда приходят ко мне, схватившись за бок или сердце. А я делаю вид, что верю. Потому что понимаю – иногда дома им поговорить о себе, о своих проблемах просто не с кем.

Перед приемом моя медсестра, Аллочка, раскладывала медкарты согласно времени и занятой очереди. Карты аккуратными квадратиками лежали на углу стола, терпеливо, как и свои хозяева, дожидаясь вызова. Белый накрахмаленный халат, строгая белая шапочка без единого торчащего лукавого локона, на шее фонендоскоп. Я готова. Нет. Забыла улыбку. Я никогда не встречаю больных без улыбки. Я всегда им рада. И они это понимают. Ну, кто у нас сегодня? Аллочка с готовностью перечисляет.

– Бабушка-гипертония, дед-геморрой, многодетная уставшая, музыкантша с депрессией, еще одна гипертония, потом мигрень, потом непонятно что.

– Как это – непонятно что? Новенький?

– Ага, – Аллочка улыбается. – Недавно переехали в наш район. В карте написано – жалобы на боль в пояснице и кашель.

– Ну, зови. Первый пошел.

Аллочка нажимает кнопку вызова и деловито распахивает дверь кабинета. Входит бабулька-гипертония. Тяжелая ситуация. Живет одна. И вид какой-то неухоженный у нее. Две дочери есть, но навещают к матери не чаще пяти раз в год. Еще кот есть. Белый, сибирский. И от того Софья Павловна вечно в белых шерстинках на черной, перманентно блестящей сзади, юбке.

– Голубушка, Софья Пална, что опять случилось? Зачем сами-то пришли? Позвонили бы в регистратуру, я бы сама забежала, давление бы померила.

Я смотрю в ее наивные не по возрасту голубые глаза и вижу, как в них закипают слезы, готовые вот-вот пролиться. Люди любят себя жалеть. Но больше любят, когда их жалеют.

– Дык, миленькая моя, до ваших извергов в регистратуре рази дозвонишься? Это скока денег у меня с телефона съмут, еслив звонить-то полдня?! А мне проще самой до вас дойти. Я же не тороплюсь, потихоу иду.

Я виновато опустила глаза. Действительно, до наших девчонок, «извергов» из регистратуры сложно дозвониться. Что делать, народ болеет, а девчонки тоже живые. И чайку глотнуть надо, и в туалет сбегать, и перекусить. Все мы живые, со своими проблемами и заморочками – и больные, и здоровые.

– Ну, что беспокоит, Софья Пална?

– Да вот, дочка, как защемило с утра в грудях, вздохнуть не могу. В глазах темно, в голове словно набат бьет, и плывет так все перед глазами, ажно комок к горлу подступает.

Что-то затревожилась я. Никак криз? Тьфу ты, только этого не хватало.

– Девочкам-то звонили?

– А че им звонить-то? – Софья Павловна насупилась. – Танька вся в работе, даже поговорить с ей никак. Манька в отпусках, на юга укатила. Говорит, дорого разговаривать, ромилинг там какой-то. Вот так и кукую одна с Яшей.

Слеза все-таки выкатилась украдкой. Пока Аллочка мерила давление, я заполняла карту. А Софья Павловна с воодушевлением рассказывала о своем коте и о его проказах. Щечки покраснелись, из взгляда ушла тоскливость под вниманием моих глаз и Аллочкиных рук. Закончив, Аллочка подходит ко мне и шепчет:

– Да хоть сейчас в Космос запускай! Сто двадцать на восемьдесят три. Опять придумала, блин.

Ох, уж мне этот интернет! Любую болезнь насочинять можно, симптомы доступно описаны. Молодцы Таня и Маня, не оставили маму без благ цивилизации. Откупились от общения.

– Ну что, Софья Пална, все не так плохо. Давление относительно в норме. Это просто бури сегодня магнитные. Сейчас домой придете, теплый чай и покой. Никакого сегодня Малахова, только покой.

Софья Павловна благодарно кивала в такт моим словам, и такая признательность была в ее взгляде, что мне стало стыдно за Малахова. Ну, пусть смотрит телевизор, кто ее еще развеселит, отвлечет от гнетущего одиночества и мыслях о родных дочерях, которые давно махнули на мать рукой...

– Аллочка, кто следующий?

– Дед-геморрой, – с готовностью ответила Аллочка.

Зашел крепкий старичок семидесяти пяти лет. Бывший дальнобойщик. Живет тоже один. Жены нет, детей тоже нет. Только племянник, который ждет-не дожидается, когда дядька в белый саван завернется. Квартира у дядьки в центре двухкомнатная. А у племянника двое детей, теща и ипотека. Все понятно, живые люди и квартирный вопрос. С ним постороже надо. А то уже месяц анализы сдать не может, к проктологу его уже два раза записывала. То ли стесняется, то ли боится дедок.

– Николай Иванович, здравствуйте! Ну как дела ваши? Были у проктолога?

Я-то знаю, что не был. Специально спрашиваю. Интересно, что ответит.

– Анечка Алексевна, так и вам не хворать! Был, был у проктолога. К вам назад отправил. Говорит, не все анализы в наличии. Вот че резину-то тянет? Непонятно мне как-то.

Вот ведь жук же! Я улыбаюсь. Ну, вот что с ним поделывать? Строжусь из-под очков. Но понимаю, что совсем не сержусь. Пока Аллочка дежурно измеряет давление и температуру, Николай Иванович словоохотливо рассказывает, как Андрейка приволок кучу бумаг на подпись дядьке, а дядька как увидел слово «дарственная», так и побежал в поликлинику.

– Дочка, ты меня уж определи к себе. Положи в палату какую-нибудь. У тебя он меня не достанет. Он же уморит меня заради тещи своей, злыдень.

– Тогда пойдем к проктологу, Николай Иванович. Должны же быть у меня основания для госпитализации. Аллочка, сколько время? Девочки в процедурном еще на месте? Отведи Николая Ивановича на анализы. И проследи, чтобы не сбежал.

Аллочка у меня понятливая. Бережно взяла за руку и повела Николая Ивановича спастись от Андрейки. В процедурный, а потом к проктологу. Похлопочу, чтобы на пару-тройку дней оставили в отделении после операции. А там поглядим. Может, патронаж выбью. После операции все-таки дедок будет. Пока Алла с Николаем Ивановичем бороздят коридоры нашей поликлиники, приглашаю следующего. Многодетная уставшая. Тяжелый тоже случай. Рожает

следующего, не успев выкормить предыдущего. Уже четверо. А ей всего двадцать восемь. Женщины! Что ж вы делаете-то с собой?! Не железные же.

Взгляд потухший, словно в нем вся мировая усталость скопилась, круги под глазами, анемия и анорексичная худоба. Дети в прямом смысле этого слова высасывают из нее все соки. Причем она фанатично убеждена, что должна кормить грудью каждого своего детеныша, пока есть молоко. Муж строитель. С утра до ночи на работе. Она одна с детьми. Иногда свекровь помогает.

– Анечка, вы сдали анализы?

– Сдала. Вчера.

– Ну, результаты у меня еще не все на руках, только общий анализ крови. Что вас беспокоит? Голова не болит?

Пока Алла водит Николая Ивановича по нашим кругам больничного муравейника, сама измеряю давление, смотрю глазные яблоки, ощупываю лимфоузлы. Не нравится мне ее состояние. И узлы воспалены, болезненные. Вижу, как дергается шея при надавливании. И что мне с ней делать? Пока осматриваю, спрашиваю о детях. И тут моя тетка оживает. Глаз горит, движения разтормозились, руки всплески эмоций выписывают. И такая глубокая любовь в словах слышится, что я прямо позавидовала по-хорошему. Веснушка (это старший – Васенька) вчера солнце нарисовал такое смешное, с ручками вместо лучиков, а Манюня (это средняя – Машенька) в садике стих рассказывала, а воспитатель на видео сняла. Я слушаю ее и боюсь. Боюсь за эту хрупкую, великую женщину, которая наплевав на собственное здоровье, несет такую Любовь в этот жесткий, неласковый мир, что аж дух захватывает. И дай ей бог здоровья! Что смогу – то сделаю. Что не смогу – тоже сделаю, ради ее детей. Хотя лимфоузлы мне не нравятся. Надо повторно назначить кровь, и гормоны сдать. Ох, не нравишься ты мне сегодня, Анята... Но ничего, мы тебя выправим, будешь, как новенькая, за своими птенцами бегать.

Анята уходит приободренная и воодушевленная собственным хорошим настроением и моим рецептом. Выписала фолиевую кислоту да В12. Полечим анемию пока, а там видно будет, когда анализы все придут. Вернулась Аллочка, отрапортовала, что Николай Петрович до места назначения в виде кабинета проктолога доставлен. Караулить не стала, ибо наш Михаил Степаныч без осмотра никого не выпустит из своих рук.

Следующей была музыкантша с депрессией, томная и дородная виолончелистка, но с очень ранимой душой и подвижной психикой. Ей бы к психологу походить, а не ко мне. Но упорно, раз за разом, следуя своим приступам меланхолии, записывается ко мне на прием. Замуж бы ей. И всю депрессию как рукой сняло бы. Деток еще не поздно нарожать. А детки бы пошли, там уж не до разборок было бы со своей тонкой душевной организацией и саморефлексией. Но я же ей так не могу сказать. Обидится, ибо считает себя убежденной феминисткой и закоренелой холостячкой, ибо не создана для борщей-котлет-пеленок. А я-то вижу в глазах почти звериную тоску по мужиковым рукам да семейным обедам. Слушаю ее рассказ о кознях в оркестре, как первая скрипка поругалась со второй и залила в отместку ноты апельсиновым соком, как дирижер на репетиции сделал ей замечание, а я слушаю ее, глажу по сильной музыкальной руке и утешаю, как могу. Уходя, музыкантша даже не спросила про рецепт. Ну что я ей пропишу? Только пустырьник для снятия эмоционального напряжения, а он и без рецепта доступен. Нервный народ стал, очень нервный.

Потом прошла еще одна гипертония, на этот раз настоящая. Не старая еще совсем тетка, лет сорока пяти, а давление под сто семьдесят. Как еще сама дошла, не понимаю. Говорю ей, мол, «скорую» надо было вызвать. А она мне отвечает, зачем беспокоить по пустякам, пусть, мол, экстренных пациентов спасают. Ну что за люди! Сами себя не берегут, а потом говорят – недолечили, залечили. Так, давление сняли, рецепт выписали, ушла, довольная и успокоенная, домой.

– Алла, еще кто есть?

– А этот, непонятно что.

– Ну, зови. Посмотрим, что там за непонятно что.

Заходит молодой мужик, лет тридцати, лицо от боли скорезилось. Раздевайтесь, говорю. Разделся – снял рубашку, майку. Ух ты, ничего себе мускулатура! Спортсмен, что ли? Осматриваю, прослушиваю бронхи, легкие. Бронхи совсем забиты, дыхание жесткое, свистящее. Что же ты, миленький, до бронхита-то себя довел, не лечил, наверно, легкую простуду, вот она, коварная, и скрутила тебя за невнимание.

– А со спиной что? – спрашиваю. Вижу же, что рукой так и норовит за поясницу схватиться.

– Да пустяки, доктор.

А сам смешливо так смотрит на меня и улыбается. А улыбка хорошая, лучистая.

– Электричество отключили, а маме диван привезли. Грузчики без лифта отказались нести. Вот я и подписался.

Я округлила глаза. Диван на себе?! Ну и силища!

– А этаж какой? – спрашиваю.

– Восьмой, – он улыбается еще шире.

Нет, ну бывают же сумасшедшие люди на белом свете! Укладываю его на кушетку, прощупываю поясницу. Уплотнение в мышце. Все, ясно. В народе это называется – потянул спину.

– Покалывание чувствуете? А согнуться можете?

– Не-а, не могу. Больно же.

Интересный человек. Ему больно, а он улыбается все время. Смотрю на Аллочку, она тоже улыбается украдкой. Эпидемия какая-то. Назначаю рентген, обезболивающие и, конечно, никаких физических нагрузок. Это надо же, диван на себе тащить! Вот что за люди?

.....

Мы поженились через три месяца. «Непонятно что» оказался Алексеем Кузнецовым, тележурналистом, фотографом и просто хорошим человеком – моим мужем. Из поликлиники я не ушла, и даже рождение нашей Анечки (муж настоял на этом имени) оставило меня дома не очень надолго – спасибо свекрови. Как же я их брошу-то, моих почти уже родных пациентов? Живые же люди.

Сделка

Утро выдалось хмурым и неласковым. Серый рассвет накрыл своим настроением, и не радовало даже то, что не я одна такая – все такие, не одну меня накрыло этим низким морозящим небом сегодня в городе. А утро еще и не заладилось. Не включилась кофе-машина, вспомнила, что не купила лимон вчера. Короче, буду пить растворимый и без лимона. Только собралась зубы почистить – отключили свет. А, в основном, прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо. Бродя по комнатам в поисках одежды при неясном утреннем свете кое-как собралась. На работу, как на праздник! Не хочется выходить в такую погоду из дома, но есть такое самое важное для человека слово – надо. Открываю дверь и вижу, как к моим ногам белым лебедем подлетает бумажка. Успеваю только заметить буковки «Энергосбыт». Ну, все. Приехали. Теперь я знаю, почему с утра нет света. Ёшь твою медь! Совсем забыла. Предупреждали же, что отключат. Ну, и чего делать-то теперь? С надеждой и одновременно с чувством полного уныния разворачиваю бумажку. Шесть триста. Мама дорогая! И где я возьму сейчас эти деньги? Зарплата только на той неделе. Ипотека, будь она неладна, уже просрочена. Кредит за Лешкину мелкокалиберную тарантайку тоже уже просрочен. Он пытается мне помочь, таксует, но этого все равно не хватает. Я же понимаю, молодой парень, деньги тоже нужны, какая девка сейчас посмотрит на нищebroда? Я все понимаю... Но что-то надо делать.

И немного-то требовалось, чтобы дыры заткнуть. Да взять не у кого. После отпуска народ, и сейчас ой как не сладко всем. Сами последний хрен без соли доедают. С такими мрачными мыслями еду в автобусе, смотрю в грязное, с дождевыми подтеками окно, и не вижу выхода. Полная безнадега рождает возмущение, которое, конечно, останется при мне и будет сидеть занозой в мозгу, пока я что-нибудь не придумаю. Почему я – специалист высшей категории, не могу свести концы с концами?! Я не хочу сказочного богатства и унитазов из золота, я просто хочу нормально жить, не считая копейки от зарплаты до зарплаты. Глупо. Глупо возмущаться тем, что не переделать. Работы полно. Мозги есть, просто нужно подумать, как их приспособить для дохода. Моя любимая Скарлетт мне подсказывает, что не надо думать об этом сегодня, мы подумаем об этом завтра, ну или хотя бы вечером, а сейчас моя остановка, и пора включаться в рабочий процесс за короткое время от остановки до офиса.

На работе ураган. Генеральный осерчал не на шутку. Народ по коридорам бегают, горестно закатывая глаза к потолку. На мой рабочий стол водрузили фигову тучу папок с отчетами – проверить надо, почему не сходятся цифры. Это же мне на неделю! А надо до завтра. Бездумно смотрю в цифры, перелистываю страницы отчетов и понимаю, что ничего не понимаю. В голове кружатся мысли о насущном. Где взять деньги?!...

Перед обедом телефон затренькал. Ну, может, хоть что-то радостное сегодня меня вспомнило. Официальный, не слишком дружелюбный женский голос представился сотрудником банка. Пытаюсь объяснить, что я все понимаю, что мне очень жаль, что обязательно заплачу в течение трех дней. Тетка, не удовлетворившись моими обещаниями, насаждает, пугает суммой пени за просрочку, а я продолжаю ее уговаривать, как будто от нее что-то зависит. Отвязалась, твердо пообещав заплатить проценты. Интересно, если я их не заплачу, как они закроют мне сумму платежа? Конечно, придется заплатить. Как будто я этого не знаю. Наступило временное, обманчивое облегчение, и я погрузилась в отчеты. Да где же ты, чертова ошибка? Куда ж ты спряталась-то, гнусная черненькая циферка? Я тебя все равно откопаю, от меня тебе не скрыться... Где же брать деньги?

После обеда опять звонок. Да, я это, я, Стронцева Марина Владимировна, и про вашу ипотеку я не забыла. Когда заплачу? Конечно, с большой радостью в ближайшее время. День, от силы – два. Ага, всего доброго, и вам не хворать. С этими прощай. Не такие наглые и напористые. Понимают, вроде. Тэк-с, ну где же ты делась-то, лапуля моя? Я снова уткнулась в беско-

нечные цифровые строчки. В глазах рябило, но я чувствовала азарт гончей, травящей кабанчика. День подходил к концу. От выпитого кофе и мелких, четких цифирей мутило, но я так еще и не могла найти сбой в стройных рядах отчетов. Папки на столе убавлялись, а к разгадке это не приближало, как и к концу рабочего дня. И вот оно, вот оно чудо! Я же говорила, что найду! И это даже не была серьезная цифра, решившая мстить за невнимательность, просто опечатка-высочка, которую я с удовольствием и торжественно представила Генеральному. Мне улыбнулись и милостиво отпустили домой. Девять вечера. Интересно, Лешка поел уже или меня дожидается? Хоть и взрослый, но все равно дите же. Пользуясь случаем, отпросилась завтра до обеда – буду решать свои финансовые дела как-то. А дома что-то так мне обидно стало за себя, так горько, что расплакалась я прямо по-детски втихушку от сына. И помощи-то ждать неоткуда, и вера в собственные силы, и оптимизм мои иссякли. Одинокое стало очень. И тут еще женская навалилась хандра, предательски воспрянула тоска по сильному плечу, хотя я ее и морила самым страшным мором.

И тут словно озарение какое-то снизошло на меня. Так ведь есть еще последняя инстанция на этой земле! Ну, и не на земле тоже. И бабка моя всегда в трудную минуту к ней обращалась, истово осеняя себя знамением, стоя на коленях и бормоча что-то. Я маленькая была, но хорошо помню, каким умиротворенным и благостным было ее лицо, когда она, кряхтя и держась за поясницу, выползала из угла с иконами. Пусть практически не поможет, но хоть надежду какую подкинет или вразумит. А надо сказать, что я не слишком активным и послушным христианином была. В храм ходила редко, крестилась уже в сознательном возрасте. В бога верила, но без фанатизма. Молилась иногда, конечно, но как-то без особой веры в произносимые слова. Даже лампадка у меня была маленькая, и иконка со скорбными, потрескавшимися ликами в медном окладе – Матери и Сына. От бабушки досталась в наследство, а бабке от прабабушки. В общем, намоленная икона была. Вы будете смеяться, но я подумала, что поддержка небесных сил, если они и существуют, как говорится, мне очень нужна сейчас. Специальных молитв я, конечно, не знала. Да и нет таких молитв, чтобы долги сами собой закрывались. Но верить-то в хорошее нужно! Собирала я мысленно все подряд. И прониклась как-то, как-то на душе увереннее стало. И еще подумалось. Да на фиг мне эти любви-моркови, сильные плечи, упование на «вдруг кто-то когда-то и откуда-нибудь придет-поможет»! Мне бы денег насущных или идею, откуда их взять. И хватило бы мне этой милости по самое не хочу. Ну, это же не так много, в конце концов. Так думала я, сложив пальцы в троегорсточку и горячо осеняя грудь крестом, вперив взгляд на древние, нарисованные неизвестным умельцем лица. Совершенно неожиданно и ничем не мотивированно по щекам поползли теплые слезы, но ни боли сердечной, ни спазмов в горле, от которых хочется криком кричать, не было. То были слезы утешения и временного, как я понимала, покоя. Ну, прорвемся как-нибудь. С божьей помощью.

Следующее утро было таким же безрадостным, как вчерашнее, но каким-то более мирным, что ли. Хорошо, что сын, на свой страх и риск, снял пломбу на счетчике, и свет дома появился. Все не так плохо и безнадежно. Я подсчитала общую сумму долгов – кредит, свет, ипотека, квартплата, накопленная за три месяца. Примерно, где-то около тридцати тысяч. Прямая дорога по банкам. Я знаю, что я – дура. Сама себе вырыла долговую яму. Но надо как-то выпутываться. Первый банк. Ноль дробь результата. Второй – такая же песня. Третий – то же самое. Кризис, мать его. Боятся людям деньги давать. Понимаю, что поделаешь...

Промерзла, промокла (зонтик, как обычно, забыла), злая на весь свет и на себя, приехала в офис. Но странное дело! Злость и отчаяние отступили настолько быстро, что я даже удивилась. Я отпустила ситуацию, и мне стало ненадолго все сиренево. Будь что будет! Ну, не вешаться же из-за этого. Я все равно что-нибудь придумаю. А сейчас надо работать. Ближе к обеду телефон сделал «пилик-пилик» – смсэска пришла. Открываю. Блиин. Поступление – «ваш денежный баланс пополнен на 23.086 копеек». Сердце екнуло и замерло. Ошибка? Нехи-

ленькая такая ошибочка на двадцать три тысячи. Плечусь в бухгалтерию, останавливаясь через каждые три шага и ругая себя за совдеповскую, несовременную в наше нелегкое время, честность. Нет, ну если не мое – надо вернуть, а если мое – надо выяснить, откуда такой орешек для Золушки.

– Девочки, вы мне ничего не начисляли?

– Стронцева, да тебе Генеральный премию выписал с барского плеча за вчерашний отчет!

– Да вы что! Так это мое, что ли? Не ошибка?

– Твое, Мариша, твое. Заслужила, сказал.

Так. Не уронить бы лицо от радости. Губы ползли в разные стороны в непроизвольной улыбке, а в голове билось – ну я же говорила, что что-нибудь придумаю. Здравствуй, платежеспособность! Первым делом заплатила за свет, потом покрыла ипотеку, потом закинула проценты за Лешкину колымагу. А тут и, как по заказу, небесная Канцелярия разжалобилась – небо прояснилось бирюзовыми, почти летними осколками ясного неба, выглянуло солнце, окончательно развеяв тревогу и плохое настроение. Жить стало легче, жить стало веселее! Мне бы, дубине стоеросовой, задуматься бы, с чего вдруг такое волшебство, да деньги, как и счастье, глаза застят...

А чудеса, судя по дальнейшим событиям, заканчиваться не собирались. Вечером позволила моя давняя школьная подруга и предложила позаниматься математикой с сыном своей начальницы – теткой очень небедной и щедрой. Да еще и три раза в неделю! Ну, супер же! Причем, мальчик в силу своего стеснительного пубертатного возраста категорически отказывался приходиться ко мне в одиночестве и волок за собой паровозом товарища. Получается денег в два раза больше, а времени, как на одного потрачу. Не ситуация, а песня просто. Я быстренько сосчитала в уме. Шестнадцать тысяч в месяц. Неплохая прибавка. Прямо скажем, отличная просто прибавка! Объяснять я доходчиво умею, в школе десять лет отпедагожила, пока лихие девяностые не лишили меня стабильной зарплаты и заполненного холодильника. К своей новой работе за пятнадцать лет приросла душой и телом, хотя по школе я тосковала первое время очень сильно. Но дите кормить надо было. Молодой растущий организм калории требовал каждые три часа, и не просто макароны с луком, обжаренным на растительном масле, а макароны с мясом или котлетой. Помню, набрала я тогда детей на репетиторство, чтобы хоть что-то заработать. А у детей-то родители тоже не олигархи, и тоже без зарплаты сидели. Девочка одна, мама у нее на птицефабрике работала начальником цеха, рассчитывалась за занятия курицами да куриным фаршем. У меня весь балкон был этими курями завален, съесть-то не успевали. Это потом уже я догадалась с соседями натуробмен организовать. Так и жили с сыном. Выжидали, точнее. Как вспомню сейчас то время, так до сих пор руки мурашками покрываются от страха, что все это может вернуться. Тут я Скарлетт понимаю...

В общем, думала я сейчас, что ни делается – все к лучшему. Потому что жизнь дорогая уж больно стала, цены растут в арифметической прогрессии, а зарплату, видимо, Дед Мороз заморозил еще лет пять назад в наказание за невыученный к празднику стишок. И этому подарку судьбы в виде двух запущенных математически оболтусов я была несказанно рада. А дальше – еще чудесатей. В среду на работу нам картошку и капусту привезли по смешной совсем цене. Ну, октябрь уж на дворе, пора было и о зиме позаботиться. Для российского человека картошка с квашеной капусткой – это наше все! Картошки нет – считай, дома есть нечего, она у нас и беда, и выручка, как мама моя говорит. И этими насущными продуктами я нас с Лешкой обеспечила совершенно безболезненно для домашнего бюджета. А в пятницу меня вызвал зам Генерального и с торжественным видом сообщил, что было вынесено решение повесить мне оклад за многолетний и, главное, плодотворный труд. Наконец-то, сподобились. Оценили. Не особенно много, но пять тысяч на дороге не валяются. Мелочь, а приятно! И потянулась дальше жизнь рутинная и обыденная, но уже без кредитных задолженностей с бесконечными звонками коллекторов и энергосбытовых буллитов. С Наталкиной легкой руки я и субботу

с воскресеньем детьми загрузила. Детки занимались с воодушевлением и старанием, а мне это не тягость было, а, скорее, в радость даже. Соскучилась.

Ну, а вы сами понимаете, если у человека все спокойно в кошельке и в банке, хочется чего-то эмоционально-приятного и душевного. Воскресла, как феникс из пепла, моя грусть по сильному плечу, так удачно, как мне казалось, похороненная на дне моего заполненного бюджетными страстями сердца. Да и подруги давай тыкать носом в мою холостяцкую постель, намекая, что там уже давно никого не было. Да я и без них это понимала. Что не только в постели, но даже просто на диване очень давно никто не сидел, кроме кота и сына. Да и вообще, кроме сантехников и работников ЖЭУ с письмами счастья о долге за квартплату, дальше порога нога мужчины не ступала за последний год. И мои неугомонные, задорные подруги, почти по-гоголевски решили это дело уладить. Я не буду рассказывать, как все это происходило. И смешно, и грустно одновременно. И не уродина я, и фигура приличная, да и не старая совсем еще. Но вот не срасталось никак! У меня уже начали зреть сомнения в моей женской привлекательности, хотя я-то сама видела, что нравилась очередному подоignanному двоюродному брату сестры подруги или овдовевшему другу мужа подруги. Но звонки прекращались после нескольких дней общения, даже без намека на святая святых – мою холостяцкую постель. Может, через желудок попробовать? Подумала я и принялась осваивать заново давно забытые изысканные кулинарные технологии. С сыном мы довольно скромно относились к процессу питания. Просто, сытно и вкусно – наш девиз был...

На ужин удалось затащить только Николая Петровича, дядечку дородного, но веселого и доброго, любящего вкусно поесть. Он весь вечер нахваливал мой борщ, мясо по-французски и тарталетки, а в десять начал активно зевать и благополучно свинтил до дому. Звонил, правда, потом, говорил, что загружен работой, что перед концом года куча отчетов и прочее, и прочее... Я ровным счетом ничего не понимала! Словно пространство вокруг меня было густо забрызгано духами с антиферомонами. Ведь не было раньше никогда такого! Просто времени и сил не хватало на романтику в период выживания и борьбы с безденежьем, но я знавала и другие времена, когда отбоя от поклонников не было. Как говорится, у нас этого гуталина на гуталиновой фабрике, как грязи.

Дольше всех продержался плюгавенький, как Сан Саныч из «Девчат», но опять-таки добрый и веселый, бухгалтер Павел Николаевич. Видимо, хоть и ненадолго, но нас связали цифры. Даже в кино успели сходить. А потом и этот сгинул. А тут конец года, отчеты, отчеты, отчеты. Все закрутилось в предновогодней суеде и квартальных рапортах. Не до того было. А перед самым почти праздником вызывает меня Генеральный и сообщает, что со следующего года ставит меня главным экономистом вместо уходящей на пенсию бессменной нашей Тамары Петровны, которая наконец-то решила, что пора дать дорогу молодым. А, может, накосячила чего по старости в документах. Вот это дааа! Вот это подарок на Новый год! Да за что мне такие милости-то? Ну, я неплохой работник, конечно, с цифрами дружу, с головой тоже. Но не до такой же степени, наверно. Пока шла в свой отдел по завешанным блестящей мишурой и пузатыми снежинками коридорам, размышляла. И тут меня осенило! Всплыли в голове события почти трехмесячной давности. Отключенный свет, походы по банкам, отчаяние и слезы в тот унылый октябрьский вечер. Катарсис, оглушивший меня перед иконой, и нелепое, почему-то стыдное, как тогда казалось, взывание к Небу с просьбой о помощи, и полустертые уже в памяти, бредовые слова о том, что на кой мне эта личная жизнь сдалась, если жрать скоро будет нечего... Все встало на свои места, словно нужные пазлы легли в нужные пустоты, и картинка сложилась. И премия на следующий день, и Наталка с сынком начальницы, и даже картошка, и шарахающиеся от меня, как от бешеной собаки, мужики – все было не случайно! А сегодня контрольный выстрел, как говорится. Меня аж пот прошиб. Но так же не бывает! Шагреновая кожа какая-то. Вот возьму сейчас и позвоню Павлу Николаевичу, про-

верю. Не такой уж он и плюгавенький, нормальный мужик. Позвонить? Нет, ну согласитесь, ведь так же не может быть, правда?

Муравейник

Как мы привыкли, что наши однотипные каменные джунгли – это не место душевному уюту и соседско-дружеским отношениям. Каждый сам за себя, каждый сам по себе. Здесь ты никому не нужен и неинтересен. Закон. Ерунда все это! Наш городской муравейник настолько разносторонен, что иногда случаются совершенно непредсказуемые ситуации. Соседи не только ходят к вам за луком, но вы пьете вместе чай и даже знаете, как их зовут и сколько у них детей. Ну, хотя про детей бывает известно раньше всего. Особенно, если у вас тоже есть дети. Нежелание общаться с соседями – это не показатель вашей угрюмости и букости. Это – стереотип, навязанный вам угрюмыми людьми и буками. Никогда не любила стереотипы. Есть в них какая-то бездушность и предсказуемость. А человек – имеет право быть индивидуальным...

Роза Яковлевна и Сашенька были соседками. Сашенька с пятьдесят третьей квартиры, Мира Яковлевна напротив проживала с мужем и огромным черным догом Бобом. Дружбы не водили, просто «здрассте-здрассте», чисто по-соседски так, без принуждения к более тесному знакомству. Роза Яковлевна, дама солидная во всех отношениях, с томными карими, несколько навылупку, глазами и прической а-ля Мерилин Монро на выбеленных до стоячего состояния волосах, всегда у меня вызывала восхищение своей монументальностью и основательностью памятника. На все и для всех у нее был готов ответ, причем в его разумности усомниться даже не приходило никому в голову. Однажды, встретив ее в подъезде, я хотела поговорить о капитальном ремонте, который нам обещали еще с лета начать. Мешки с цементом, бочки с краской, кисти всевозможных калибров завезли да складировали все это добро в техэтаже, закрыли под ненадежный амбарный замок и благополучно забыли. Мира Яковлевна была у нас местным активистом, этакой бой-бабой, да еще и наделенной интеллектом и непревзойденным еврейским сарказмом. В конторе нашего коммунального хозяйства ее боялись. Ну, я и решила подзадорить ее вступить в очередную корриду с нашим жэу. Боже, зачем я это сделала?! Сорок минут выпали из моей жизни, как колесо из старой телеги. Как выпал и мой Ученый совет, потому что, когда я добралась до работы, все уже разошлось.

Роза Яковлевна была тетка еще не старая, но уже скучающая, предпенсионного возраста, и поэтому считала своим долгом любое человеческое создание младше себя по возрасту учить уму-разуму. Утро у нее выдалось, видимо, унылое и бездеятельное, и я для нее была, как манна небесная, практически, как глоток воды в пустыне. Не успела я открыть рта, как изо рта напротив выбушевался целый речевой водопад.

– Милочка, таки в вашем возрасте необходимо вовремя ложиться спать. Ну, вы видели себя в зеркало сегодня? Что за круги под глазами? Вам, дорогая, необходимо проверить за почки! Моя мама всегда мне говорила, чтобы я не упускала из виду этот важный орган. Он очень влияет на кожу! Вы таки верите моей маме?

Ну и далее в том же духе. Я не успевала вставить слово, а этот водопад все катился и катился, и, казалось, никогда не иссякнет. Спасибо Бобу. В конце концов, он не просто стал нетерпеливо подпрыгивать, требуя законной утренней порции газона, а призывно заскулил, нервно пританцовывая вокруг хозяйки.

– Да ты ж моя радость, Бобчик, сейчас мамочка таки и ответит тебя пописать!

С этими словами Роза Яковлевна, наступив буквально на горло собственной песне, не закончив мысль и даже почти не попрощавшись, поспешила с Бобом к двери. Уффф, облегчение и избавление от громогласных советов накрыли меня приятной волной, и я тоже поспешила вслед за Розой Яковлевной, отчаянно переживая, что Боб не успел уволочь хозяйку за угол. Но речь не обо мне. Вы же поняли уже, да?

Сашенька была полной противоположностью фонтанирующей идеями и танково напористой Розе Яковлевне. Жили они с мужем тихо-мирно, взрослые дети уже давно отделились от родителей и отгнездились в свою молодую самостоятельную жизнь. Не знаю, скучала ли Сашенька вечерами рядом со своим молчаливым серьезным мужем. Но мне она всегда казалась какой-то потерянной, что ли. Какой-то сиротинушкой. Возрастом они с Розой Яковлевной сходились, но вот по мироощущению – небо и земля. Роза Яковлевна не любила сереньких, а соседка ей казалась именно такой. Сашенька работала ветеринаром, безумно любила животных и вечно подбирала всех выброшенных, покинутых, выгнанных, потом лечила за свой счет, давала объявления на сайтах, пристраивала в добрые руки, а потом еще и патронажничала. И внешность у нее была под стать ее характеру. Невысокая, худенькая, белокурая, она была красива какой-то неслышной красотой, которая словно лилась изнутри и распространяла свою благодать и добро на других. Только эти другие, не замечали того, я думаю. Глаза, почти всегда грустные, но открытые навстречу каждому, таящие другое зрение, которое нам неведомо. Наверно, это отпечаток профессии. Ведь Сашенька каждый день видела боль, о которой ее пациенты не могли рассказать, и только в их глазах она могла это прочесть. Видимо, все это и отражалось в ней, как в зеркале.

В общем, однажды Боб заболел. То ли сожрал чего-то на прогулке, то ли вирус какой подцепил, но вечером его полоскало за три метра против ветра, а когда уже нечем стало полоскать, Боб слег, и глаза его тоскливо полуприкрылись. Он дрожал всем телом, безвольно опустив обрубок хвоста и приподняв верхнюю губу. Роза Яковлевна была в отчаянии. Особенно ее пугал оскал, обнаживший крупные, цвета слоновой кости клыки. Она ворвалась ко мне и, схватив за руку, потащила к себе в квартиру. Бобу было очень плохо. Это понимала даже я. Скорых для собак еще не придумали, тащить такую договую тушу в ветеринарку мы не могли. Хотя, конечно, можно было положить его на простыню и как-то спустить вниз, вызвать такси, но Роза Яковлевна была уже совсем без сил, даже привычный водопад практически испарился. Она сидела на полу, положив голову Боба на толстое колено, и, наверно, уже с ним прощалась, роняя на гладкую шерсть крупные, нечастые слезы. И тут меня осенило. Сашенька!

– Таки, деточка, ну бегите же уже за ней, ну зачем вы мне делаете нервы! Миленькая, скажите, мой Бобик захотел увидеть дедушку, а я не могу этого допустить. Ну бегите же!

Сашенька примчалась, волоча капельницу и свой дежурный чемоданчик. Всю ночь мы втроем сидели возле умирающей псины, которая сплотила нас, наверно, навеки. Ну, во всяком случае, пока мы соседи. То, перекидываясь пустыми словами, то дремотно замолкая, мы встретили рассвет нового дня вместе. И Боб тоже встретил, о чем известил нас жалобным поскуливанием. Я не буду рассказывать, какими словами Роза Яковлевна буквально освящала Сашеньку, просто не смогу повторить этот словесный поток. Но с тех пор Сашенька и Роза Яковлевна подружились. Да так крепко, что у нас весь подъезд удивлялся. Роза Яковлевна Сашеньку боготворила, да и Боб очень к ней привязался. Втроем они проводили много времени, и им хорошо было вместе. Наша матрона пыталась учить Сашеньку жизни, как строить отношения с мужем, давала особенные рецепты блюд, которые Сашенька с удовольствием готовила и сообщала реакцию мужа подруге по телефону. Роза Яковлевна была на седьмом небе, ибо ее собственный муж привык к кулинарным изыскам и, скорее всего, ими пресытился, а она давно не слышала таких искренних похвал своей стряпне.

Да и изменились они обе. У Сашеньки появилась жизнерадостность во взгляде, ее тихая красота, словно набрала какую-то другую высоту, перешла на другой уровень, стала более женственной, уютно-притягательной, что ли. Под влиянием Розы Яковлевны изменилась прическа, появился неброский макияж, да и просто почувствовался в ней какой-то незаметный ранее вкус к жизни. Но самое разительное изменение произошло с Розой Яковлевной! Соседи от нее уже не шарахались, только завидя ее напористый бюст на горизонте, потому что теперь она спускалась с лестницы, мурлыкая что-то себе под нос, без всякой решительной атаки на новую

жертву своего водопада, который не сразу, но превратился в мягкий мило журчащий ручеек. Да и в жэу вздохнули спокойно без ее громогласных фельдфебельских аншлагов.

Я никак не могла понять, что же их связывает. Это же, как у Пушкина, «стихи и проза, лед и пламень». Потом до меня дошло. Любовь. Любовь к животным их связала. И некая однобокость во взглядах на жизнь. У одной не было того, что было в избытке в другой. А судьба распорядилась поделить. Наверно, все-таки противоположности притягиваются. А потом частично ассимилируются, создавая новый уровень отношений, логически необъяснимых, но таких удивительных и прекрасных...

О. Генри по-русски

Жена пришла с работы какой-то притихшей или расстроенной. Сразу не понял. Ну, как говорится, не буди лихо, пока оно тихо. Сначала накормить-напоить, а потом дело пытаться. А что? Сытый отдохнувший человек половину проблем на раз-два решает, а некоторые так и совсем не проблемой покажутся. За ужином жена вяло ковыряла вилкой полуфабрикатскую котлету, гоняла по тарелке макароны и тяжело, но негромко вздыхала. Я не выдержал.

– Ленусь, ну чего случилось-то? Отчет заporоли?

– Нет, – коротко, потупив глаза в котлету.

– Проезд не подписали?

– Нет, – уже почти чуть слышно, срывающимся шепотом.

Я начинаю нервничать. Неужели сокращение, которым полгода пугали у них народ, свершилось?! Только не это. Совсем не ко времени. Летом в Крым собрались, Ленке проезд на Саньку должны были подписать. А тут вот такое. Трех я один не осилю. У меня тоже бюджетка, хоть я и старший научный сотрудник, а выше своих тридцати пяти не прыгнешь... Эх, хотели мальчика на море свозить. Придется у мамы просить или кредит брать. Есть, конечно, заначка, но она на святое дело. Машину хочу взять. Сильно тяжело мне без стального друга, каким-то неполноценным себя чувствую. Руки не в мазуте, бензином не пахнет, в гараже девственная чистота и порядок с тех пор, как мою старушку продали. Уже два года копим. Не отдам! Ни за что не отдам! Мысли вихрем носились в голове, приседая то на одно обстоятельство, то на другое, то снова возвращаясь к заначке.

– Лен, ну че случилось-то? Че молчишь-то, как рыба об лед?

– Нелли Михайловна купила шубу! – выпалила жена на одном дыхании и уставилась на меня в упор. Опаньки, вот где собачка-то порылась. Тьфу ты. А я уж худшее предполагал.

– Ну, молодец Нелли Михайловна. А ты чего так расстроилась? Порадуйся за коллегу.

Лучше бы я тогда промолчал со своей дебильной шуткой. Шея у жены пошла красными пятнами, верный признак того, что она разозлилась. Тарелка жалобно звякнула под порывистым движением Ленусиной руки. Санька испуганно переводил взгляд то на маму, то на папу. Ничего не поняв, скусил мордашку и на всякий случай тихонько захныкал.

– Лен, ты че творишь-то? Ребенка вон напугала. Что не так с шубой-то?!

– С шубой Нелли Михайловны все в порядке. А вот с моей нет! – даже с какой-то злостью выдохнула жена. Но позвольте! Нет у нее шубы! Пальто драповое есть, пуховик есть, куртка кожаная, ну, плащ еще, кажется, а вот шубы нет. И тут до меня дошло. Ну и зараза же вы, Нелли Михайловна! Вот съездили мы бы в отпуск, а потом хоть десять шуб себе покупайте. Не могла немного потерпеть. Санька захныкал громче. Но жена, казалось, вообще ничего не замечала. Новая шуба коллеги отняла у нее разом и материнский инстинкт заодно. Надеюсь, временно. Пытаюсь успокоить и жену, и сына.

– Ленусь, ну далась тебе эта шуба? Через три месяца и зима уже кончится, зачем она тебе летом? – от волнения и растерянности мелю ерунду какую-то. Но на жену это действует как красная тряпка на быка.

– Терпилин, ты идиот или где?? Шуба – многоцветное изделие. И не зли меня! Надоело быть хуже других. Я – женщина, мне хочется выглядеть нормально, а не как в инкубаторе зимних пуховиков. Она уже почти кричит, глаза мечут все молнии мира, а мне она кажется еще красивей от этого.

– Ленусь, конечно, ты женщина, иначе я бы на тебе не женился. Ты – прекрасная женщина, самая красивая, самая любимая. Но тебе будет легче, если ты будешь из инкубатора норковых шкурок, а не пуховиков? – опять зря сказал. Диванная подушечка от кухонного гарнитура, летит мне в голову, но, не рассчитав траектории, на пути встречает препятствие в виде

стакана с соком. Дзинь... Санька уже орет в голос. Утаскиваю его в детскую. Он доверчиво кладет свою пушистую головку мне на плечо и шепчет.

– У мамы гововка бо-бо? Дай ей таблетку, пап.

Да, сына, мама немножко заболела. Тетиной шубой. Но она выздоровеет, обязательно поправится, я пойду и дам ей таблеточку. И мама перестанет кричать. Я усадил Саньку в манеж и пошел на поле боя. Ну надо же договариваться как-то. Капитулировать нельзя. Может, компромисс? А шансы? Никаких шансов. Заглядываю на кухню. Жена стоит возле окна, курит в форточку. По спине даже вижу – злится.

– Ленусь, ну чего делать-то? Мы же в отпуск собирались летом. Ну, какая шуба? В кредит, что ли? – начинаю издали, осторожно, ласково. Она резко поворачивается, впечатывает окурок в пепельницу. Я такой ее еще не видел за пять лет ни разу. Глаза какие-то не Ленусины, не те, как всегда, добрые карей ласковостью и любовью, а злые, колючие и решительные. Прям, оборотень, а не жена.

– В общем так. Ты жил два года без машины, и еще проживешь. Тем более, все равно не хватает. А мне как раз на шубу хватит. Ультиматум тебе. И не вздумай, что я пойду на попятый. Терпилин, я редко тебя прошу. Я просто хочу шубу!

Не фигу себе заявочки! Да я во сне вижу почти каждую ночь свою новую машину. И ее променять на шубу?! На какую-то вшивую шерстистую телогрейку?! Нет уж! Вот это не надо. Это – святое! Ишь ты, как заговорила. Елки-палки, а че делать-то? Не, я буду стоять до победного! Делаю каменное лицо.

– Нет, Ленусь. Ничего не получится. Хочешь, бери в кредит. Но машину я не отдам. Не, ну я же прав, мужики? Шуба или машина. Две большие разницы, как говорится.

– Хорошо, дорогой. Я все сказала. А ты подумай. Хорошенько подумай, что тебе важнее.

Ленусик обошла меня, как ледокол айсберг, даже не задев ни одной частью тела, и ушла в детскую. В спальню она не пришла спать. Я ворочался полночи, и такой вариант рассматривал, и другой. Ну, никак не катит эта шуба сейчас. Ладно, утро вечера мудренее.

А утро не оказалось мудренее вечера. Захожу на кухню. Кофе нет. Бутеров нет. Кастрюля без каши стоит на плите чистенькая. Ну и ладно! Сам сделаю бутерброды. Блин, порезался. Что за ножи-то в этом доме? Как скальпель. Вспомнил, что накануне сам и точил. Заклеил ранку и побежал на работу, нормально не поев. Ничего, врагу не сдастся наш гордый варяг!

Вечером в квартире едой не пахло. Санька не выкатился колобком радостно навстречу. Лена была дома. Вальяжно развалившись на диване, пилила ногти. Санька, оказывается, у мамы. Что у нас на ужин? А ничего у нас на ужин, понял я, проведя разведку на кухне. А что в холодильнике? Так, яйца, колбаса, сыр. Хлеба нет. Обычно Лена мне звонит, что купить по дороге домой, если сама не успевает забежать. Я же не знаю, есть хлеб или нет. Тьфу ты, начинает напрягать. Война Роуз какая-то получается. А сама-то она ела, нет, интересно? И так худющая, еще из-за меня похудеет больше. Жую колбасу, думаю. Сколько это может продолжаться? Ленка – баба упертая, а я? Я же сильнее. Да и вообще, зачем мне эта машина? Работа – две остановки. Санькин садик – вообще возле дома. Куда ездить-то? Вот я скучаю по машине, потому что у каждого мужика она должна быть. Ну, и Ленка так же скучает по шубе. Хотя, она по ней скучать не может – у нее не было шубы. Значит, ей она нужнее? Не, господа хорошие, мы так не договаривались. Короче, запутался. Посмотрел на кухне телек, полазил в телефоне. Скучно. И поговорить не с кем. Пошел спать. Ленусик опять легла в детской. Понимаю, че. Если поругались так глобально, о каком сексе может идти речь. Горько как-то. Опять-таки утро вечера мудренее...

Не фигу опять не мудренее. Это человек мудренее. Особенно, когда нет кофе и завтрака. Когда сын не лыбится по утрам измазанным кашей ртом, когда жена не целует перед уходом на работу, когда чистые носки не в магазине, а в шкафчике. Да и вообще, когда жена просто радуется, потому что ты есть. Ну и фиг, с этой машиной. Все равно не хватало на нее. Жена

важнее. И нужнее. И любимей. Снял я с книжки деньги в обед. Хотите осуждайте, хотите слабаком называйте. Мне до Эвереста. Я Ленку люблю. И терять ее из-за какой-то шубы не хочу. Тем более, поразмыслив, она же права, в сущности. Ну, имеет женщина хоть раз в жизни право на шубу. Почему Нелли Михайловна имеет право, а моя Ленка нет?!

Домой мчался вечером на парусах, подгоняемых жаждой добра и любовью. Ну, и деньгами на шубу, конечно. Купил хлеба. На всякий случай взял еще колбасы, вчерашнюю-то я съел. Шампанского прихватил и ее любимые конфеты. А вдруг?...

Зашел в квартиру и обомлел. Пахло едой! Жареным мясом. Саньку, что ли, вернули? И точно. Ковыляет ко мне, ручонки протягивает.

– Папка, а ты маму вылесил? Таблетку дал?

Вылечил, сын, вылечил. И таблетку нашел самую лучшую. Наша мамка не будет больше болеть, не переживай, сын.

Сели за стол. Жена прямо светится вся. Неужели опоздал, неужели в кредит залезла?! Вытаскиваю из кармана деньги. Кладу на стол. А Ленусик накрывают мою руку своей узенькой ладошкой и говорят так ласково и успокоенно.

– Терпилин, да фиг на эту шубу. Ну прости ты меня, идиотину. Заусило, да все прошло. В пуховике сподручнее, я ж на автобусе все время, жалко мех-то будет. Она сначала смущенно прятала взгляд за тарелками, а потом прямо взглянула мне в глаза. И я опять увидел ту чайную ласковость, по которой так скучал последние дни.

О как! Это мы, значит, практически одновременно консенсус соорудили. Я не знал, что сказать. Санька смотрел на нас и улыбался во все свои десять зубов. А ведь такое нередко бывает. Но только тогда, когда есть Семья. В настоящем смысле этого слова.

Сапоги

Они мне даже снились. Мои новые сапоги. Во сне я приходила в них на работу, и все в учительской ахали. Кто с завистью, кто искренне восхищенно. А я, горделиво вытягивая по-петушиному ноги, обтянутые бежевой, пахнущей достатком и денежной свободой кожей, вышагивала между столами с видом выигравшего в лотерею. И так мне во сне было радостно, что первые минуты после пробуждения меня не покидало состояние абсолютного счастья. Вот бывает же так. Проснешься утром и сам не понимаешь, почему так светло и весело на душе. Это потом уже реальность накрывает, когда напяливаешь свои традиционные уже на протяжении нескольких лет, начищенные мужем с вечера, знакомые каждой трещинкой кожзаменители. Сладкая мечта улетала, нанюхавшись запаха армейского гуталина, а я плелась на работу, ругая Ельцина, правительство, а заодно и местные власти, решившие, что скатерть-самобранка – обычный предмет обихода рядовых бюджетников. Зарплаты задерживали со страшной пролетарской силой, иногда выплачивали аванс, который со слезами приходилось героически растягивать на несколько недель. Чтобы хоть макароны и тушенку купить. Хорошо, Павлик на всем казенном был. В части ел, получал одежду, и зимнюю, и летнюю. Все-таки комбат. Офицерскому составу иногда тоже что-то выплачивали, так, сущие копейки. Но хоть это. Понятно же. Страна сейчас не жирует. Всем плохо. Просто потерпеть немного надо. Я-то все это понимала. И Павлик мне вечерами политинформацию проводил, как своим молодым бойцам в части. Понимала я. Но новые сапоги хотела отчаянно. А Васеньке куртку надо. Растет быстро. Из старой уже трогательно торчали длинные, худые запястья. В принципе, можно выпустить ткань из манжеты, если уж совсем никак.

В общем, я как настоящая офицерская жена пыталась создать быт и уют из того, что имелось. Имелось немного, но я не унывала. Вот если бы не сапоги, будь они неладны! Ну, правда. Совсем мои состарились. Павлик их и клеил, и подшивал, и замазывал. Конечно, подюжат еще. Но как же надоели!

Вот и сегодня мне опять этот сон дурацкий приснился. Хмуро собираю Васеньку в садик. Павлик уже уехал в часть. У меня двух первых уроков нет. Отведу сына сама. Пусть чуть-чуть поспит подольше, а завтраком дома накормлю. Васенька зарозовел от радости, что мама утром дома, и с удовольствием наяривал нелюбимую манную кашу. Возле ворот детсада почмокались и расстались. Большой он у нас уже. В свои шесть лет стремится к самостоятельности, поэтому не позволяет провожать его до раздевалки и целоваться у всех на виду. Смешной такой, мой маленький мужичок. На Павлика очень похож... Так, время еще есть. И ноги понесли меня буквально против воли в универмаг. Но я же не виновата, что он по пути находится. Да я просто так же зайду. Ну, одним глазком гляну и на работу побегу. Интересно же. Похожу, помечтаю. Денег-то все равно нет, и не предвидится. Брожу между витрин с обувью, тихонько касаюсь мягкой кожи, а рука просто поет от этого прикосновения. Грустно вздыхаю и пытаюсь найти в себе силы выйти на улицу. Но что-то непреодолимое тянет меня вглубь зала. Просто провокация со стороны моего взбудораженного сном сознания. Короче, сопротивляться я перестала и окунулась в мир моей фантазии, где я у меня есть толстый кошелек, в котором томятся от желания запрыгнуть в ячейки кассы, ласково шуршащие бумажки. Ну, хотя бы помечтать-то я имею право?!

И вдруг впадаю в ступор. Блин, Господи! Это они! Это они же мне снились. Светло-бежевые, с отточенным черным каблукочком и ремешком через щиколотку. Мои новые сапоги. Стоят себе на полке и в ус не дуют, что лишили меня покоя и разума. У меня выступила испарина. Не, так не бывает. Хотя, если верить не сонникам, а науке, скорее всего, я когда-то их мельком видела, и подсознание отложило мое несбыточное желание, а потом вывалило вот в такое сновидение. А как же иначе?! Вот дернул меня черт сюда зайти. А черт продолжал

чудесить. Рука зачем-то потянулась, схватила один сапог. Глаза лихорадочно поискали ценник, мозг с унынием констатировал – не судьба. Хотя и есть скидка. Тут заныла правая нога, с нетерпением требуя примерки. Гармония окончательно покинула мой организм, и я уселась на скамейку в обнимку с сапогом. Девушка-продавец, изголодавшаяся без профессионального хамства и покупателей, хищно прищурившись, бросилась к моей одинокой в этот ранний час фигуре.

– Хотите примерить?

– Да нет. Просто смотрю. Качество как-то не очень. Кожа грубовата.

Что я несу?! Мечта моя, прости меня. Но нет другого выхода.

Девушка скептически подняла выщипанные бровки и потянула за голяшку сапога. Вот как вы думаете, легко ли отобрать у человека мечту? Конечно, невозможно. Я еще крепче сжала сапог. Продавец удвоила усилия. Я тоже.

– Вы мерить будете или нет?!

– Буду. Только это не мой размер.

– А у вас какой?

– Тридцать шестой.

– Ну так это и есть тридцать шестой.

– Да? А по виду не скажешь. Крокодилы какие-то.

Девушка снисходительно усмехнулась и подалась вперед. Я буквально упала телом на голяшку. Боясь новых поползновений со стороны своей мучительницы, я решилась. Магомаевским «Морем» в пустом зале раздался звук «собачки» расстегиваемого замка. Нога моя не просто влезла, и даже не залезла, и я ее не запихала вовнутрь. Она туда скользнула и, удобно устроившись, сигнализировала большим пальцем. Продавец с интересом наблюдала за процессом. Наконец не выдержала.

– Ну как?

– Нормально, – буркнула я.

– Не жмет? Удобно? – девица с азартом почти приплясывала возле меня, ожидая требование второго сапога.

– Да не очень как-то.

– Да ладно. Это же кожа. Натуральная. Разносите.

Я с сомнением посмотрела на эскуторшу. Правда, что-то жало в районе мизинца. Но это такая мелочь по сравнению с тем, что мечту можно примерить. И даже купить. А продавец, видимо, решила сделать контрольный выстрел.

– Второй принести?

Я испугалась.

– Зачем?!

– Ну, надо же походить в обоих. Обувь необходимо почувствовать. А вдруг не ваш вариант.

Я с надеждой взглянула на нее.

– Как это?

– Ну, например, у людей бывают разными части тела. Может, второй сапог вам жать будет.

Надежда возродилась, как феникс из пепла. И я решительно потребовала пару к мечте. О Боги! Точно! Во втором сапоге не только мизинец себя неуютно чувствовал, но косточка на лодыжке. Я с облегчением выдохнула.

– Не, что-то давит мне везде.

Теперь уже продавщица стала хвататься за соломинку.

– Так вы походите. Походите по залу.

Но я уже поняла, что победила. Хотя сердце ныло, а душа буквально рыдала, когда я отдавала в руки недовольной продавщице свое светло-бежевое счастье...

В школу я прибежала за десять минут до звонка. В учительской странное оживление, давно такого не было. Обычно тихо, мирно и без лучезарных улыбок в последнее время. Ух ты! Оказывается, деньги привезли. Зарплата – это звучит гордо!

Бегу в кабинет завуча, где расположилась наш бессменный общественный бухгалтер Нина Алексеевна.

– А сколько дают? – осторожно спрашиваю я.

– Всем одинаково, – Нина Алексеевна, подмигивая, подсовывает мне ведомость.

Нетвердой рукой расписываюсь, сумму даже не вижу. Отхожу в сторонку и пересчитываю. Пересчитала. А в голове бьется одна мысль. «На сапоги хватит. И на коммуналку останется». А что делать-то? Человек слаб...

Вхожу в класс, как сомнамбула. Переключка. Начинаю опрос. Тема – сложносочиненное предложение. А в голове совсем другое.

– Новгородов, к доске. Расскажи мне принципы связи в сложносочиненном предложении.

Новгородов в муке поднял глаза к потолку и усиленно засопел. Это он так вспоминает.

– Нуууу, в таком предложении обе части равноправны по отношению друг к другу, – забубнил он. А я перенеслась в магазин. Даже рукой пошевелила, пытаюсь вспомнить ощущение кожаной мягкости. Васеньке куртку надо. А можно же перелицевать старую. Бабушка учила. Они так в послевоенное время одежде «лицо» меняли. А Новгородов все бурчал, оттирая пот, льющийся от усердия и напряжения.

– Сложносочиненное предложение имеет не одну основу, а несколько, и не всегда в нем есть союзы...

Я опять улетела мыслями, глядя в окно. Ох уж мне это сочиненное предложение. Сама сочинила, сама теперь маюсь. И никаких союзов, в смысле союзников. Как я Павлику скажу? И обе части равноправны. Павлик тоже имеет право решать, на что деньги тратить. Чувствуя мою незаинтересованность, Новгородов обиженно замолчал.

– Продолжай, Олег. Я слушаю.

А сама опять уставилась на голое, черное дерево за стеклом. Весна. Скоро все подсохнет, и самое время надеть обновку. С наслаждением, скрепя новой кожей, пройтись по улице. Кое-как, на автомате, довела уроки и минут пять стояла на крыльце школы. И то ли ветер какой-то особенный был, с примесью чего-то нового и свежего, то ли женщина во мне проснулась, но я рысцой побежала в универмаг, отчаянно боясь, что мою мечту уже купили.

За кассой скучала та же девушка. Увидев меня, плотоядно улыбнулась и молча принесла сапоги. Второй раз даже не стала я их мерить. Ну, мое это. Сразу же было понятно – мое. Совпадений не бывает. Не верю я в них. По дороге, ощущая вожделенную коробку с сапогами, бьющую в пакете по ногам, продумывала разговор с Павликом. Скотина я, конечно, безмозглая. Но счастливая скотина. Купила еще Васеньке пару пироженок, и виноватая, но согласная понести любое наказание, заявила домой. Мои мальчишки уже поужинали и ждали меня. Павлик открыл дверь, и, видимо, у меня был такой вид, что в его глазах промелькнул испуг.

– Соня, ничего не случилось?

– Случилось. Твоя жена дура и скотина эгоистичная. Но ей сейчас хорошо!

Павлик прислонился к косяку и в немом вопросе на меня уставился. А я вытащила коробку из пакета, достала сапоги и затрясла ими перед его носом.

– А что? Скажешь, не имею права?! Мне нужны были новые сапоги. Деньги дали сегодня, между прочим.

Я приготовилась отражать атаку. Тут выкатился мой маленький мужичок из комнаты.

– Ух тыыы, мам, какие красивые! Дорогие? Наверно, дорогие. Ты же не будешь носить некрасивые и дешевые.

Васенька деловито подзинькал замком, тщательно просмотрел оба сапога и, довольный, удалился к себе. Павлик посмотрел на меня. Я ответила виноватым взглядом. Понимаю же. В глазах мужа плеснулась смешинка, и мне тоже почему-то стало смешно. Через минуту Васенька выглянул, обеспокоенный нашим истерическим смехом, увидел маму, повисшую на шее папы, одобрительно хмыкнул и закрыл дверь. Сын решил – сапогам быть. И нас это устраивало. Ну, меня-то уж точно.

.....

Куртке Васеньки, я, конечно, сделала новое «лицо». А вот с сапогами было все намного хуже. В первый день до крови стерла пятку. Хотя девочки оценили обновку. Почти так, как я себе и представляла во сне. Я заклеила ранки пластырем и опять напялила злосчастную обувь. Стерла оба мизинца. Заклеила мизинцы. На третий день еле дохромала до дома – косточки под большими пальцами не подчинялись ни цене моей осуществленной мечты, ни моему желанию. Но без боя я сдаваться не собиралась. Обклеила все уязвимые места в два слоя, надела махровые носки. Домой после работы меня отвез Никита, водитель Павлика, сама я уже не могла передвигаться, и очень хотелось сдернуть эти сапоги и закинуть их далеко-далеко. На следующий день на работу я пошла в старых, разношенных, но таких удобных и уютных кожзамителях...

Те, кто рядом

Вот интересно так иногда бывает. Всю жизнь мечтаешь о собаке, а судьба тебе, в конце концов, подбрасывает такого серого, ласкового худеньшица с куцым длинным хвостом и усами, пройти мимо которого ты не можешь. Или, действительно, кто-то свыше распоряжается о том, кого тебе растить-обихаживать, кем любоваться, и кто тепло и радость тебе дарить будет...

Была у меня в студенчестве собака, немецкая овчарка. Звали ее Герда, ну по-немецки чтобы звучно и хлестко звучало, решила так назвать. А училась я тогда в далеком сибирском славном городе, который стал мне практически второй родиной. Само собой, жилья своего не было, снимали на троих обшарпанную, блочную двушку. И тут мне на день рождения приносят друзья-сокурсники вот такое чудо природы с вислыми ушами, розовым пузом и молочным запахом из беззубатой, еще не страшной пасти. А надо сказать, всегда мечтала иметь рядом надежного друга собачьего племени, чтобы и гулять вместе, и веселиться, и в огонь, и в воду друг за друга. Какая-то собаческая романтика меня в отрочестве обурежала. Насмотрелась, видимо, фильмов всяких про верных и преданных псов. В подрастающем возрасте как-то не случилось мне тесно пообщаться с четвероногим зверьем. Родители не особо активно восприняли мою идею. Точнее сказать, совсем не активно. Ну как в мультике про Простоквашино – мама, в основном, против была. Причем, с той же самой мотивацией, как и мама дяди Федора.

А тут буквально сбылась мечта детства. Только что с этой мечтой делать – было непонятно. Благо, что девчонки, соседки, нормальные попались, к собакам лояльно относились, а Герда их просто обаяла своей умильной детской непосредственностью. Ну, выбора не было. Не возвращать же подарок. Да и очень мне хотелось оставить ее. Уже в мыслях представляла, как мы с ней на дрессировки ходить будем, как я ее воспитывать буду, как Герда будет спать, положив теплую тяжелую голову мне на колени. В общем, решено было оставить щенка с условием, что сама буду подтирать бесконечные по первости лужи на полу, заниматься кормлением вовремя, чтобы щен не скулил по ночам от тоски и страха и давал высыпаться моим соседкам.

Герда росла веселой и послушной девочкой. Однако издержки воспитания все же случались. Растерзанные за ночь Ленкины сапоги я с трудом, но покрыла. Сжеванное покрывало с Татьяниной кровати я тоже смогла компенсировать собственным. А вот с перчатками из лайковой кожи, отороченных норкой и лейбой «Гуччи», мне пришлось туго. Даже месячная стипендия не покрыла. И главное, я представить себе не могла, как эта хулиганка попадала в закрытые чужие комнаты. Ну, я могу понять – кожаные сапоги и перчатки в прихожке валялись, кстати, не в первый, но в последний раз. Но покрывало-то на фигу жевать?! Девчонки понимали сложность и пока безвыходность этой ситуации, да и полюбили Герду, но мне-то было неудобно перед ними. А Герде это же не объяснишь, что нельзя жевать чужие вещи. Начинаешь ругать, трести перед ее носом испорченной вещью, а она на попу сядет, голову опустит, уши свои антеннообразные к черепушке прижмет и поскуливает от сожаления. Мол, ну прости ты меня, не буду я больше так. А потом так исподволь на тебя взглянет, проверяя, сильно ли еще ее хозяйка сердита. Ну как тут не простить-то?! Ага, сами мы не местные, черт попутал. Строгих моих увещеваний хватало максимум на месяц. Ну, что поделывать, дите же еще.

Время шло. Герда подрастала. Дрессировки наши проходили жестко, до усталости в ногах у меня, и неуверенности в движениях у Герды. Она уже знала все команды, охотно их исполняла и нисколько этим не тяготилась. Вообще, характер у нее был легкий, мне под стать, нам хорошо было вместе и жить, и ходить в клуб, и просто молчать. Бывало, прикорну на диванчике с книжкой или тетрадкой для конспектов, пледом ноги закутаю, светильник тьму комнатную рассекает. Герда вползет ненавязчиво в ноги, вытянет лапы, положит на них голову и дремлет, изредка приоткрывая то один глаз, то другой и мирно посапывая своей черной носопыркой.

И так спокойно становилось, так умиротворенно на душе, так надежно, что я брала эту мохнатую башку в руки, утыкалась лицом в жесткий мех и замирала, ловя мгновение покоя и гармонии. Я никогда не испытывала такого единения ни с какой другой живой особью, как с Гердой. Ни до, ни после. Даже с мужем. Даже с сыном. Может, мы с ней были одной крови, как Маугли со своими друзьями? Иногда мне казалось, что Герда понимала обо мне все и во всем поддерживала, что бы я не делала. Даже когда ругала ее. Не знаю. Мне трудно сейчас это объяснить. Да, наверно, никогда и не объяснить такое...

За полтора года Герда превратилась в умную, сильную, матерую овчарку. Она платила мне за заботу и любовь любовью в сто крат большей, любовью обожательной, хотя и никогда не позволяла мне с ней особо миндальничать. Вот странно! Животные обладают так же характерами, как и люди. И так же, как у людей, они разные и своеобразные, и если вы попадете на одну волну, то вам будет уютно и комфортно вместе. Я именно так и чувствовала себя рядом с Гердой, думаю, и она тоже. Особенно она любила наши лыжные прогулки. Я брала в прокате лыжи, и мы уходили с ней за много километров в леса. И эта взрослая собачья тетка скакала, как щенок, зарываясь темным пяточком в снег, кубарем скатываясь с горок вслед за моими лыжами, повизгивая от удовольствия. Иногда, для соблюдения приличий, вставала в стойку, чутко держа нос по ветру и насторожив уши, чтобы показать, что она на чеку, и мне ничто не угрожает. Ну, умора с ней! Я ее подзадоривала, мол, Герда, чужой здесь, чужой, ищи. Она игру понимала и сразу включала тревожную кнопку – стойка а-ля Трезор на границе, шерсть дыбом на затылке, а из клыкастой пасти вырывалось: «Ауыыа». Не знаю, как переводится, но, видимо, что-то грозное, судя по голосу и положению туловища.

Одно меня напрягало в нашей жизни с Гердой. В моем присутствии нельзя было говорить на повышенных тонах и поднимать руку выше уровня плеча. На громкий разговор Герда еще реагировала лояльно, деликатно подворчевывая из-под стула или стола. Хотя, смотря на кого. На девчонок она не рыкала, понимая, что не со зла мы иногда вопили или громко рассказывали о чем-то. С руками было хуже. Стоило только поднять руку жестикулируя, или протянуть ее навстречу мне, как Герда натянутой стрелой взмывала ввысь, где бы она не была, и руку эту останавливала. Причем, знала, если человек знакомый, то неплотно захватывала, так, чисто для порядка. Но пугало это народ до икоты. Ну, представьте, такая махина выскакивает, неизвестно откуда, ощерив клыкастую пасть. Тут уж поневоле зайкой станешь. И я ее этому не учила! Вот откуда в ней это взялось?! Характер, я так полагаю. Врожденное. И однажды эта ее характерность спасла мне, если не жизнь, то здоровье точно. И разлучила нас. Но разлучила по хорошему.

Гуляли мы как-то с Гердой вечером. Ушли далеко за дома, ближе к лесополосе, чтобы народ не пугать, да и не люблю, когда какашки собачьи возле подъезда намерзают. Гуляем, палочки кидаем, Герда носится, как оглашенная, радуется прогулке, снегу, свободе передвижения. Удивительно красивое животное получилось! Я не переставала любоваться ее грациозностью, силой, какой-то животной мощью. И почти детской непосредственностью, которую она сохранила, несмотря на солидный уже по собачьим меркам возраст. Все-таки собаки – неоткрытые еще до конца существа. Как в них все это уживается? Возвращаемся. Усталые, но довольные собой и друг другом. Почти поравнялись с домами. И тут, как в плохом триллере из-за угла выходят два мужика. То ли им Герда не понравилась, то ли я понравилась, но прямой наводкой они направились к нам. Герда насторожилась. Почуяла недоброе. Слово за слово, мужички перешли в зону активных действий. Вот не надо было им это делать! Моя девочка. Она защищала меня. Как только один из несчастных протянул руку в мою сторону, практически в ту же минуту этой руки и лишился. Временно, во всяком случае. Пока он корчился на снегу, Герда присела, мелко подрагивая хвостом, и пристально уставилась на второго. Видимо, второго судьба обидела больше первого, ибо он решил, что Герда ему не помеха. Бежать бы да бежать ему. Ан, нет. Ручонки растопырил, ножонки пригнул, да так на полусогну-

тых и попер буром. Недалеко упер. И все это сопровождалось визгом, лаем, воплями, матерными стонами. Соседи с первого этажа вызвали милицию, и через несколько минут подъехал милицейский уазик. Герда, как порядочная леди после оплеухи английскому лорду, села возле меня, с чувством выполненного долга и без всяких сомнений в содеянном, с любопытством смотрела на то, как этих двоих забирали в машину.

Показания, объяснения, разговоры. Герда терпеливо ждала. Вот тогда-то молоденький лейтенант, кинолог, случайно оказавшийся на смене без своего звериного напарника, предложил отдать Герду в милицию на службу. Говорил, что у Герды особый дар, характер какой-то особенный собачий, когда собака опасность инстинктом чувствует. «Зачем вам она, – уговаривал он. – Вы же не сможете воспользоваться этим даром. Вы представьте, сколько она гадов переловит». Ну, и все в таком духе. Мне было страшно еще, после произошедшего, и только Герда вселяла в меня спокойствие своим довольным и уверенным видом. Я обещала подумать. Я думала. И понимала, что не могу ей обеспечить должную жизнь, полную опасностей и риска. Уж такой она уродилась. Ей нужны были захваты, веселые перевертыши, взрывные ситуации, кого-то спасать, на кого-то нападать. Я не могла Герде дать в будущем такую жизнь. Если только в милицию пойти служить. Месяц помаявшись, понимая характер своей собаки, жалея ее и желая лучшей жизни, я отвезла ее в вольер. Мне дали пять копеек за нее. Сказали, что нельзя бесплатно. Я до сих пор храню эту монету. О Герде потом ходили легенды. Якобы, чуть ли не матерого убийцу обезвредила, когда тот просто поднял руку с пистолетом на уровень плеча. В это я верю. Моя Герда такая и есть!

А потом защита диплома, возвращение в родной город, замужество, рождение сына. И бесконечные, бессонные ночи у кровати, болезни, когда кажется, что с повышением градуса термометра кончается твоя вера в светлое будущее. Ну, вы сами знаете, как бывает с долгожданным первенцем.

Герда осталась воспоминанием. Незабываемым, приятным, грустным, но воспоминанием. Я искренне надеялась, что ей было хорошо, и что она нашла, наконец, себя, как люди ищут свое призвание. Потому что я твердо верила, что у Герды был человеческий характер.

Когда сын вырос из своих бесконечных соплей и кашлев, я вышла на работу. Карьера строилась. Жизнь, как говорится, удалась. Сын подрастал, второй ребенок, ему на подмогу и на радость нам, не зародился, но я понимала, что нужен еще кто-то сыну, не просто мама и папа, а тот, кто будет близок ему и душой, и телом, и мягкой, пушистой шкуркой. Моя детская тоска напоминала, что сыну нужен друг, о котором надо заботиться, чтобы рождалось в его несмышленной пока душонке чувство ответственности за кого еще, кроме себя. Да все было недосуг. Проблемы, важные и не очень, снежной лавиной подминали время и заодно душевную гармонию... Но господин Случай вмешался сам. Я доросла до замдиректора компании, и в один прекрасный день, войдя в свой кабинет, обнаружила в кресле котенка. Удивительно! Котенок! У меня в кресле! Спрашиваю у секретарши – не знает ли откуда. «Нет, не видела», – испуганно отвечает. Собралась его с перепугу, было, на улицу вытащить. Да я не разрешила. Славный котенок! Глазенки умные, голубые, а шерстка цвета кофе с молоком. Ну как такую красоту беспризорную на улицу выкинешь? Соображаю, чего с ним теперь делать-то, куда пристроить. Перекладываю его с кресла на диванчик, он лениво выгибает худую спинку, шурится и прыгает ко мне на стол. Видали, да, прыгунца? Попросила девочек принести из буфета молока и колбасы. Мой найденыш царственно, неторопливо поел, хотя было видно, что очень голоден, царственно облизнулся и взобрался опять ко мне на стол. Ну что ты будешь делать! А тут дела всякие, собрание коллектива, пришлось тащиться в актовЫй зал. Сажу в окружении коллег, бутылок с минералкой и стаканов. Тут Верочка, секретарша, манит меня из дверей и улыбается. «Тут ваш котенок орет. Мешает. Да и неудобно, люди вокруг». Вы не поверите! Пришлось этого нагленыша взять с собой на собрание. Улегся возле меня опять-

таки на столе, хвостиком прикрылся. Народ хмыкает и по-доброму косится на это наглючее чудо-юдо. В общем, домой я с ним вернулась под мышкой.

А дома, после мучительного купания с утробным ором и попытками вырваться из моих рук, он сразу улегся в кроватке сына, застолбив территорию. Котенок выбрал себе хозяина. Мелкого пока, но для него авторитетного. Феликс с сыном играл, осторожно задевая бархатной лапкой, ел, ходил на свой горшок, когда сына сидел на своем. Спал у него в ногах колечком. А я, глядя на их идиллию, вспоминала Герду, и благодарила кошачьего бога, что дал моему сыну того, кто будет любить его до скончания дней своих, и кто научит его милосердию и любви. Не так, как люди. Намного серьезнее и крепче.

Наша общая звезда

Вот я иногда думаю, а как бы сложилась моя жизнь, если бы я не заплатила тогда, двадцать пять лет назад, абонентскую плату за телефон, как платили миллионы жителей Советского Союза? Была бы я так же счастлива, как сейчас, тихо и мирно старея рядом с мужем, самым моим дорогим и любимым человеком на свете? Ну, после сына, конечно. И каким был бы мой другой сын, а, может, родилась бы дочка, если бы я замуж вышла за другого человека? Хотя я не представляю, как воспитывать девочек, но научилась бы, наверно. Я расскажу вам историю, каких вы знаете сотни тысяч. Обычная история настоящей Любви, которую мы так усердно, а иногда и безуспешно, ищем. Находим, теряем. И лишь немногим удается ее сохранить, переступить через гордость и обстоятельства, стать нужными и необходимыми друг другу, как воздух, людьми...

Конец восьмидесятых. Смутное для моей памяти время, стерлось почти все, а что не стерлось, то посерело и выцвело как-то. Уж не знаю – почему. Я заканчивала десятый, и пора бы было уже давно определиться, куда поступать. То, что я – законченный и неисправимый гуманитарий, было ясно еще с класса седьмого. Читала запоем все, что листалось. Кроме, конечно, технической литературы. Благо, у меня родители были хоть и не филологи, но литературу любили, папа, правда, классику не жаловал, а мама по полночи просиживала с книжкой возле печки, теребя в наманикюренных пальцах одну сигарету за другой. Иногда с родителями по очереди читали что-нибудь, а потом дружно, вдвоем, обсуждали до кулаков по столу. Вкус к хорошему слову мне никто не прививал, книги дома были настолько разными, бессистемными, собранными по принципу «что удалось достать», что у меня ум за разум заходил иногда. Записалась в библиотеку. Помню, как шла привычным маршрутом, и дорога казалась такой длинной, такой нескончаемой. А потом войдешь вовнутрь, вдохнешь того книжно-пыльного, сладковатого воздуха и все – тебя нет на час или два. Обратно несешься, словно ветер в спину подгоняет, и не замечаешь, как уже дома, на диванчике с заветной книжкой в руках. Так что, в принципе, мое детство, наполненное разноцветными, потертыми переплетами, и определило мой выбор. Я поступила на отделение русского языка и литературы в педагогический институт. Из родного Н-ска уехала к тетке в большой сибирский город. Но я не жалела. Я была напоена романтическими бреднями о самостоятельной, независимой жизни, которая оказалась совершенно не романтической.

Общежитие иногородним не давали. Пришлось с двумя такими же бедолагами снимать комнату в частном секторе, потому что на какое-либо другое жилье денег не хватало. До сих пор помню, как в особенно холодные дни наши батареи, которые обогревались от печки, замерзали. Прибежишь из института, печку раскочегаришь, а батареи холодные. Приловчились потом. В жестянки из-под селедки насыпали угольков и подставляли под самый низ длиннущих, во всю комнату, труб. Отогревали, готовили ужин. Девчонки садились за конспекты, а я за книжку. Была уверена, что мне зубрежка не нужна. И так все знаю. Ох уж этот юношеский оптимизм! Первые пары я безбожно просыпала, с физкультурой тоже не складывались теплые отношения. Потому что был бассейн, в котором проходили занятия, а у меня не было купальника, и я не умела плавать. Ну, и медосмотр надо было проходить, а все анализы сдавались с утра. Утром я встать не могла, потому что до четырех-пяти утра общалась с Чеховым или Голсуорси. Вот такой образовался замкнутый круг, который я сама для себя нарисовала. Но первую сессию я сдала. Чему сама была несказанно удивлена. Мне учиться нравилось. Но нравилось только то, что я действительно полюбила. То, что я ненавидела, я даже не пыталась учить, или хотя бы стараться понять.

Преподаватели меня любили. И делали скидку на мой, как они говорили, «удивительно несобранный, но, несомненно, талантливый» серый комочек в черепной коробке. А летнюю

сессию я не сдала. Физкультура отомстила за мое невнимание к ней. Чтобы не вылететь вовсе, оформила «академ». И задумалась. А дальше что? Домой? Ну была я на зимних каникулах. Туманно, холодно, застывшие как-то. А мне все время хотелось чего-то другого, радостного и необыкновенного. Большой город умело расставил сети, и я в эти сети попала глупой, беспечной птичкой, живя, как миллионы моих сограждан, извечным русским «авось». Решила остаться.

Мама подсуежилась, поспрашивала знакомых, и для меня нашлась комната в двухкомнатной квартире, с еще одним хозяином. Папа был против, но я твердо и слезно пообещала, что найду работу и денег с них требовать не буду. А дальше началась сказка! После годичного проживания не то, что без ванны, но даже без воды, элементарно текущей из крана, я словно попала в рай. Отдельная комната. Кухня с собственным столом и холодильником. Правда, без балкона, но было огромное трехстворчатое окно, возле которого я бездумно просиживала часами, слушая шум трамвая и глядя на спешащую толпу. Я уже и не помню, о чем я тогда думала. А шум стучащих колес почему-то остался в памяти... Хозяином второй комнаты оказался молодой парень, хозяйственный, расчетливый и, как говорится, «себе на уме». Но не злой. А это главное. Днем к нему приходила его девушка, они надолго закрывались в комнате, потом Танюшка бежала в душ, а после они довольные, с обожанием глядя друг на друга, пили в кухне чай. Бывало, поболтать к ним выходила и я. Хорошие были вечера. Домашние почти. Иногда Игорек устраивал вечеринки. Дело молодое, да еще почти вся квартира в собственном распоряжении. Приходили одноклассники, друзья с работы. Пили, кстати, почему-то немного. Ни разу никого из них я не видела в обнимку с унитазом или скукожившегося на коврик в хмельном сне. Веселились, слушали музыку, танцевали, о чем-то громко спорили, перебивая друг друга. Я в такие вечера забивалась в свою комнату и старалась не высовываться. Ну, чужой я себя чувствовала на этом празднике жизни. Да и работа моя не предполагала веселья. Я устроилась работать в Дом малютки для детей-отказников с физическими и психическими отклонениями. Что это за дети были – не хочу сейчас рассказывать. Но каждый раз, приходя на работу, я давала себе слово, что мой последний день здесь. А наутро снова ехала туда, словно кто-то пистолет к виску приставлял. А вечером, опять, как выжатый лимон, совершенно эмоционально опустошенная, я устало возвращалась домой, словно боль каждого брошенного ребенка я пропустила через себя...

Однажды в одну из таких вечеринок раздался деликатный стук в дверь. А я уже устроилась с книжкой, на тарелке ждали розовобокие докторской колбасой бутерброды, и очень хотелось тишины. Я вот сейчас думаю, а как я тогда не скурвилась-то? Молодая же, без папы-мамы под боком, без пригляда и назидательного ока. Ни порок, ни соблазн не брали меня. Не хотелось как-то. И сборища шумные, и мальчишки не особо интересовали меня. А вот при этом стуке душа у меня замерла. Вот как будто позвал тихонько кто-то. Позвал и примолк. А я прислушивалась к ритму сердца и все не решалась сказать «да-да, войдите». Стук раздался еще раз, и я слезла с дивана, кутаясь в теплый платок. Распахнула дверь. На пороге в проеме коридорного света стоял парень. Я видела его уже мельком не один раз. Кажется, Вадим. Я, конечно, его приглашение присоединиться к ним не приняла. Испугалась – все-таки компания незнакомая, со своими заморочками. Не очень-то я люблю новых людей и случайное веселье в чужой квартире. А он с легкой улыбкой попросился зайти поболтать. Зашел. Вот в книжках иногда пишут – «время пролетело незаметно». А я впервые ощутила значение этой фразы по себе. Вообще не заметила, как два часа пролетели. Его искали, конечно, звали. Но он отмахивался. Я разглядывала лицо напротив, и не понимала, в чем его притягательность. Обычное. Глаза серые, оспины от ветрянки, рыже-русые волосы. Ямочки! Он, когда улыбался, ямочки лицо превращали в сплошную добродушность и симпатичность. Он ушел, а я заснула с каким-то новым ощущением радости, причину которой я так и не успела понять...

В течение месяца мы иногда встречались. То ненароком, то Вадим специально заходил ко мне. Как-то незаметно влилась в их компанию, и меня приняли вполне адекватно. Даже девочки. Лыжи, поездки на дачу на шашлыки, украдкой поцелуйчики за сараем, легкие, будто случайные прикосновения... Неужели все это было? Сейчас, четверть века спустя я думаю, что ничего не было случайно. Ни моя долбанная физкультура, ни «академ», ни эта очень даже хорошая квартира. Мы влюбились. Не знаю, как со стороны Вадима, а со мной это случилось впервые. Чтобы вот так – до одури, до остановки дыхания в первые секунды встречи после однодневной разлуки. Я поняла, что это такое тогда, когда однажды, возвращаясь с лыжной прогулки, усталые, распаренные, мы брели к автобусной остановке. Молча шли. Каждый думал о своем, распираемый несказанным. Вадим крепко держал мою руку. А ничего и не надо было говорить. Я все тогда поняла. По молчанию, по руке, которая то сжимала мою ладонь, то разжимала расслабленно. По взгляду, внимательному и робкому одновременно, по улыбке, неожиданно появлявшейся на его лице.

Вадим заскочил на минутку ко мне и остался на всю ночь. Конечно, случилось то, что должно было случиться, и чего давно оба хотели. Было немного страшно, неловко, но нежно-нежно. С этого вечера мы не расставались. Вадим переехал ко мне. Смеялись – почти шведская семья получилась. Игорь с Танюшкой, и я с Вадимкой. Мама его приходила. Губы скептически морщила, глядя на меня, не спрашивая сына, вещи собирала в большую сумку и театрально сгибаясь от тяжести тащила ее к порогу. Скандалы, слезы, рюмки с волокардиновыми каплями. А нас просто было невозможно оторвать друг от друга. Ну, представьте, если вам отрежут руку или ногу? Вот. Мы единым целым стали. Вспоминаю сейчас сижу, и слезы сами собой кап-кап на руку. Как же нам хорошо было вместе! Нет, не так. Не было, а есть...

Так пролетела зима. Родителям звонила еженедельно, и даже однажды намекнула, что ждут меня в скором времени супружеские отношения. Неловко было, конечно. Папа-то у меня старой закалки. Какие отношения, если нет росписи в ЗАГСе?! Я кричала в трубку «алло, алло», делая вид, что связь пропала, и мне не было стыдно. Весна пришла, журчащая, с криками грачей, с проталинами и первыми весенними ветрами, пахнущими счастьем и новью. А мне было нехорошо. Тошнило, от еды воротило, усталость такая вечерами наваливалась, что засыпать не хотелось от страха нового дня. И тут я догадалась. Вот как-то само собой это знание пришло, тем более, что месячные запаздывали. Да я же беременна! Мама дорогая, а чего теперь делать-то?! Сходила в поликлинику. Подтвердилось. В полном смятении ждала вечера, чтобы сказать Вадимке. Честно скажу, ничего не чувствовала. Ни радости, ни отчаяния. Вообще – ничего. Боялась, как он отреагирует. А Вадим выслушал мой сумбур хмуро, сказал, что надо подумать и ушел ночевать домой. А на следующий день, когда я, измученная токсикозом и работой, приплелась домой, увидела на кухне тетю Надю, маму Вадима. Получилась сцена почти как в «Москва слезам не верит». Уходя, оставила деньги на аборт. Я не Катя Тихомирова. Нет во мне столько силы. Хотите – осуждайте, хотите – нет. Я сама себя уже осудила. Давно и навечно. Особенно тяжело было, когда из больницы домой ползла. На автобусе, потом на метро. И не было рядом руки. Твердой и родной руки. Как тогда, после лыж. Два дня провалялась дома. Игорь с Танюшкой клали мне на живот то мяса замороженного кусок, то кулек с пельменями, меняли по очереди. Танюшка почти по-матерински прижимала меня к груди, успокаивая и вытирая потоки слез, которые лились и лились, не принося облегчения. Я только дома, уткнувшись в Танюшкино плечо, поняла, что убила собственное дите. Которое могло бы называть меня «мамой»... Все. Без комментариев. Не хочу про это больше говорить. Вечная боль.

Через пару недель я оправилась. Спасибо моим сиделкам. Кстати сказать, с Игорем я до сих пор поддерживаю связь. А Танюшка умерла в феврале семнадцатого года от рака мозга. Спасибо вам, родные мои...

И решила я уехать домой. Ну что меня здесь держало? Ничего. Вадим не проявлялся никак. Странно мне было это молчание. Обиделся на меня что залетела? Или что к нему с этой бедой пришла? А к кому еще-то? Что я знала тогда, дурочка девятнадцатилетняя, о контрацепции и предохранении. Интернета еще не придумали, по телевизору об этом тоже не говорили. Да разве ж я одна была виновата в случившемся?! Ну да ладно. Я сильно на него обиделась. Видимо, мама окончательно сломала в нем остатки воли и совести. Значит, не любил, не ценил, не дорожил, думала я тогда. Все мы такие в молодости – либо черное, либо белое. И никаких оттенков. В общем, отбросив все сомнения и надежды, купила билет. Да и хозяйева комнаты через месяц возвращались с буровой. Выбора у меня не было...

Домой прилетела, как из осени сразу в зиму. Одежды для наших морозов нет никакой. Кто что из родни подкинул, в том и ходила. Да и как-то по барабану мне было. Какая разница? Душа закрылась. А жить надо было. Начало девяностых. Маму сократили, папу на пенсию отправили. Ужаснулась я этой жизни. Мешок риса с пенсии, несколько банок тушенки. Устроилась я на рынок работать, благо тетка, мамина сестра, бизнесом занялась. Вот у нее и работала. Торговала всякой невиданной тогда мелочью, типа, «Сникерсов», разноцветных «Юпи» и заморских коричневых сигарет. Мерзко, стремно, но помогать родителям кормиться надо было. А так-то ничего, в принципе. Это мне, тургеневской почти барышне, воспитанной не родителями, а библиотекой, сначала не по себе было. А потом на девчонок насмотрелась и поняла, что и этот заработок имеет право быть. Деньги все-таки не пахнут, когда они мало-мальски есть. Проживем! О Вадиме вспоминала сначала ежеминутно. Потом реже. Потом еще реже. А потом только во сне приходил. Ну что ж, судьба, видать...

.....

– Доча, ты за телефон заплатила?

– Не, мам, не успела.

– Деньги-то есть?

– Ага, щас на работу пойду, забегу по дороге.

– Не забудь, а то, как от мира оторванные.

– Хорошо, мам, заплачу.

Заплатила, успела. Вечером, поужинав, прилегла с книжкой. С телевизором я так и не подружилась. Опять книжки. Ну и ладно, мне с ними уютнее в последнее время, чем с людьми. Слышу, звонит телефон. Да так настойчиво. Блин, на фиг я за него заплатила? Так хорошо было, тихо. Меня?! Меня к телефону?! Междугородний?! Ерунда какая-то. Подбегаю в волнении. Не скажу, чтобы что-то там предчувствовала, но было странно. А, может, и предчувствовала. Дрожащими руками подношу трубку к уху. Любимый, почти забытый голос.

– Я к тебе приеду.

– Зачем?

– Глупый вопрос. Я без тебя не могу. Честно.

– А как ты меня нашел???

– Я знаю твое имя и фамилию. Остальное – ерунда. Так я приеду?

– Приезжай.

– Если бы ты сегодня не ответила, я не решился бы больше, наверно. Я в аэропорту уже.

Мама не знает. Пожалуйста, помоги мне быть с тобой...

– Я тебя встречу...

С тех пор мы вместе. У нас вырос сын. До сих пор не могу понять, на кого похож. Характером, вроде, мой. Но книжек так запоем не читает. И слава Богу! К жизни ближе. Намного ближе, чем я. А я сижу сейчас в палате. Мой Вадимка весь опутан проводами и капельницами. Инфаркт. Да эта такая ерунда по сравнению с будущей жизнью, которую я нам придумала. Не фига подобного! Эта тетка с косой никогда меня не одолеет. А пока я здесь, рядом, мой

муж ей не достанется. Костями лягу – а вытащу его. Пока есть Любовь, есть и Жизнь. И я не отпущу тебя. Ни за что.

Урок милосердия

Надюня была профессиональной нищенкой. Так уж получилось. В жизни всякое бывает. От сумы и от тюрьмы, как говорится...

Промышляла у метро, имела свое законное, откупное место. Не жаловалась на свое житье. Не имела привычки. Еще в молодости такую привычку батя отбил, когда выгнал ее из дома, опасаясь позора, беременную. В деревнях-то тогда строго с этим было. А у Надюни любовь была. Настоящая. Ну, ей так казалось. Дышать на своего милого боялась, в рот заглядывала, а когда к стенке припер – сдалась. Посчитала, что он умнее, он сам разберется, как им дальше жить. Но о свадьбе думала, сладко замирая на том моменте, когда он ей, простой деревенской девке, кольцо на палец наденет... Не случилось кольца, как и свадьбы. Надюня себя во всем винила. Мне так и сказала. Мол, сама виновата, не удержала, значит, неинтересна ему была. Пробовала, было, я ей объяснить, что дело не в ней, что изначально не нужна Надюня ему была. Так, побаловаться. Да какой там! Уперлась рогом и заладила – сама да сама. Ну, разубедить я ее не смогла. Да и нервничать она начинала сильно, когда я ей пыталась внушить, что любимый ее просто использовал. Вот что за наивная натура!

Встретилась я с ней и подружилась при удивительных обстоятельствах. И как я потом думала, не случайно. Обе были жизнью биты. И должны были притянуться друг к другу, как маяк притягивает заблудившийся в тумане корабль...

Случилось мне лет пять назад в Московию по делам приехать. До этого всего один раз была, да и то – в детстве. Конечно, что я там, кроха восьмилетняя, запомнила. Дела мои были тягучие, не очень интересные, но важные. И жить там надо было месяца полтора. А так как не была я ни директором каким, ни начальником отдела, ни даже любовницей начальника службы безопасности, организация забронировала мне койко-место в общежитии, а не в гостинице. Комната на двоих. Все бы ничего. Да дом мой временный в тихом и уютном подмосковном Королеве оказался... Представляете?! Полтора часа на электричке, потом на метро, потом пешком или на троллейбусе. С троллейбусом у меня сразу не сложилось. Какая-то странная контрольно-пропускная система, я пару раз попозорилась и решила пешком ходить. А что? И для здоровья полезно, и эстетическое удовольствие получаешь, любуясь городом. Москва – она же такая, не сразу ее красота подлинная раскрывается.

Метро я выучила быстро. Полюбила даже. Особенным мне там все казалось, даже запах частенько во сне теперь снится. Мучительнее всего были поездки на электричках. Вот там-то я и перечитала практически всю Донцову. Язык понравился. Но чего-то мне не хватило. То ли глубины, то ли лиризма. Детектив – есть детектив. Не суть.

Вагоны не грязные, вполне жизнепригодные, но задалбливали коробейники. Чтобы не отвлекаться на них и исключить риск потерять лишние деньги, поддавшись искушению, до хруста в шее отворачивала голову к окну и наблюдала жизнь Подмосковья со стороны. Зимний унылый пейзаж, с покосившимися хилыми домишками, через прозрачное окно вкупе с моими серыми мыслями – это, я вам скажу, пытка каплей на макушку. Потому что каждый день. Потому что отчаянно хотелось сына увидеть. Потому что одиночество в большом городе отупляет, и ты невольно становишься песчинкой в людской массе, которой до тебя нет совершенно никакого дела...

И решила я найти комнатку. Пусть в Черемушках, пусть у черта на куличках, но без электрички, без этих каждодневных изматывающих поездок на полтора часа выпавшего из жизни времени. С газетным бизнесом в столице нашей Родины все путем. Набрала газет, давай звонить. И чуть не обалдела от неожиданного счастья, когда увидела объявление о комнате за четыре тысячи в пределах двадцати минут пешком до метро. Мне бы, дуре провинциальной, задуматься, а почему дешево-то так. Ан нет, эйфория затмила разум. Уснула я в тот вечер

на своей скрипучей узкой кровати в Королеве под нудную зубрежку своей соседки-аспирантки счастливым сном младенца после материнской титьки. Да пусть зубрит! Науки юношей питают. А у меня завтра будет новое жильё!

И утро-то выдалось радостное. Давно такого не было. Умытое, солнечное, прям розово-нежное. Голуби-побирушки, как обычно, гуляют на подоконнике, безжалостно терзая колбасу и масло – холодильника-то нет. Я даже не гоняю их сегодня. К вечеру меня уже здесь не будет. Я забуду свою соседку, голубей, синюю крышу «Магнита», навязчиво выпячивающуюся в перспективе окна и эти долбаные электрички.

Ехать было далеко. Очень. По дороге забежала по делам, перекусила пресным хот-догом и кофе, пахнувшим непросушенной столовой тряпкой. Лишь к вечеру добралась до Щелково. Сумерки. Московские сумерки. Веселый и жизнеутверждающий свет из окон первых этажей падает на синие сугробы. Невольно создается ощущение непричастности к этому празднику жизни, на котором я лишняя. Люди приходят с работы, люди готовят ужин, общаются, обнимаются, целуют детей... А ты, как гонимый безумной идеей абсолютной свободы лермонтовский герой, шарисься у них под балконами в надежде найти свое окно, свое прибежище... Дурацкое чувство. Кстати забыла сказать, что с утра я поехала в контору на Басманной и заплатила четыре тысячи предоплаты за комнату. Поэтому меня почти в ночи, в зимний неприветливый для чужаков московский вечер, за сотню, как мне казалось тогда, километров, понесло в это неладное Щелково.

Наконец нахожу нужный дом, нужный подъезд, нужную квартиру. Звоню. Открывает живописная тетка, с перетянутым крест-накрест теплой шалью тщедушным торсом. В квартире слышу детский гомон, пахнет жареным луком (перманентный запах для коммунальной квартиры) и понимаю, что, видимо, я ошиблась адресом. Короткий разговор. Слезы и почти истерика. Обманули! Сволочи! Здесь не сдаётся комната, здесь вообще ничего нет такого, что бы сдавалось! Напрасные надежды, напрасные мечты, напрасно потраченные деньги... Понимаю, что разводилово. Наивная дура! Тетка, видя мою реакцию, с состраданием гладит по рукаву пуховика. Даже воды принесла. Простые, среднестатистические люди нашей страны самые искренние и самые милосердные. Пусть и со своими тараканами иногда...

Ну чего делать-то, домой, в Королев, в деревню, в глушь, к соседке, на узкую скрипучую койку. А время-то сколько? Как поется в песне, сбежала последняя электричка. Ну, метро пока еще работает. Понуро, несчастно, глядя вокруг глазами брошенного щенка, возвращаюсь на Бауманскую. Мысли разные. В основном, матерные, конечно. Озвучивать не буду, о чем мне думалось в тот момент. Выхожу из метро. Стоят две молодухи с одноразовыми стаканчиками. Я понимаю, что в стаканчики чего-то наливается, но не вижу – откуда наливается. Нормальные такие тетки. При шубках, при колечках, при причесочках. Видимо, обратили внимание на мой разнесчастный вид. Разговорились. Спрашиваю – где переночевать можно найти поблизости. Тетки ржут. Как по мановению волшебной палочки появляется третий стакан, и через секунду в нем призывно булькает чего-то. Ну, что делать – выпила с горя, закусила долькой мандаринки. Девки прикольные, но безбашенные какие-то. Потом поняла уже, что за дивы мне встретились, когда растворились они в вечерней сутолоке под руку с разбитными мужичками.

Выпитое на голодный желудок разлилось теплой волной в душе, успокаивая и призывая к действию. Надо что-то делать, надо что-то делать. Отчаянное положение, но не безвыходное. Как говорят, выходов всегда минимум – два, надо только решить, какой из них на данный момент правильнее использовать. Сижу, думаю, курю и наблюдаю. Точнее сказать, созерцаю московскую суету. Время позднее, а двери метро ежесекундно поглощают толпы народа и с такой же скоростью выплевывают обратно. И куда они все едут и едут, бегут и бегут? Интересно, все-таки...

И тут замечаю одиноко притулившуюся фигурку на ящичке неподалеку. Приглядываюсь. Благо, светло в столице вечером, как днем, и фонарь диогеновый не нужен. Вроде, бабулька

в возрасте. Но одета как-то странно. Как луковица в загадке – сто одежек, но часть из них на застежках, на ногах чуни какие-то, на голове детская вязаная шапчонка с огромным помпоном. Живописная старушенция. Подбираюсь поближе и замечаю в ногах коробку. А, так это побирушка же! Мысль о ночлеге зашла в перманентный тупик, и я дала ей время отстояться в депо. Поэтому от нечего делать наблюдаю дальше. Рядом с роскошными витринами роскошной одежды, рядом с жизнерадостно и деловито спешащей толпой, рядом с этой бурлящей жизнью нищенка смотрелась нелепо и очень одиноко как-то, что ли. Ну, как дед Мороз Восьмого Марта...

И сидит она вся такая отрешенная, перебирает свои копеечные подачки и плевать ей с Эвереста на все вокруг. Неправильная какая-то побирушка, кто ж так милостыню просит?! Где монотонная, зауценная песня про пожар в квартире или потерю здоровья, где заискивающий и просящий взгляд, где, в конце концов, пресловутая протянутая рука?! И вдруг вижу стайку из четырех представителей подрастающего поколения, лет двенадцати-четырнадцати, осторожно крутящихся возле моей бабульки. Вот сердцем почему-то сразу почувствовала – не к добру они тут трутся, не просто так. Движения суетливые, вороватые, но опасливые. Как-то защемило у меня внутри. Сопрут ведь заветный ридикюль с дневной выручкой! Это же и ужин ее, и завтрак, и ночлег, наверно... А тетка словно и не замечает этой движухи вокруг себя. Ну уж нет! И только я выдвинулась на защиту честно заработанной наличности, как маленькие негодяи обступили нищенку по кругу, отрезав ее тем самым от толпы и лишних глаз. Когда я, запыхавшись, подскочила к месту драмы, было уже поздно. Бедная тетка беззвучно глотала воздух, схватившись драными перчатками за левый бок... Но самое страшное было не это. Глаза. Ее глаза. Абсолютно пустые, не выражающие ни одной эмоции, подернутые белесой пленкой катаракты, они выпускали из своих немощных недр крупные прозрачные слезищи. Я поняла – эти глаза совершенно ничего не видели. Нищенка была слепа. Я присела перед ней на корточки с ощущением беспомощности и абсолютной своей бесполезности. Как мне ее утешить? Что сказать в свое оправдание – почему я, здоровая и молодая курица, допустила такое непотребство?? Почему сразу не подошла, ведь почувствовала же интуитивно надвигающуюся беду?! Сказать, что мне было стыдно и больно за себя и за эту женщину, это ничего не сказать... Все произошло так быстро и так тихо, а толпа все так же бежала по своим делам, привычная уже к любому горю на свете...

Не помню уже, что я ей говорила, глядя по нелепой детской шапке, которая совсем съехала на затылок и обнажила седую пушистую прядь. Что-то причитала, собирая с асфальта рассыпавшуюся из коробки мелочь, кого-то ругала, кому-то грозила. Наверно, чтобы заглушить жесткое чувство вины...

Немного успокоившись, побирушка вытерла слезы и подняла голову, глядя куда-то поверх меня. Мы немного поговорили. Я выяснила, что ее зовут Надюня, что на этой «точке» она давно и что скоро за ней придет внук – ее поводырь по всем дорогам, да и по жизни, наверно, тоже. А Надюня узнала, что электричку я пропустила, что «кинули» меня на деньги и что идти мне сегодняшним вечером, собственно, некуда. Вот так и оказалась я у Надюни в гостях на одну ночь, половину из которой мы проговорили. В чистенькой, практически стерильной до тошноты, убогонькой полуподвальной комнатке под старомодным уютным абажуром с полуосыпавшейся оранжевой бахромой мы болтали обо всем на свете и ни о чем конкретно. Надюня рассказала мне свою жизнь с того момента, как отец выгнал ее из дома и до момента, как ее дочь подалась на заработки и «сгинула, не знамо где, без ответа и привета», оставив на нее десятилетнего Василия, как он сам себя солидно называл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.